

**Всероссийский конкурс
научно-исследовательских работ
студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

СБОРНИК СТАТЕЙ
по материалам Всероссийского конкурса
студенческих научно-исследовательских работ

(направления:

- 1 – «Лингвистические исследования»;
- 2 – «Исследования по межкультурной коммуникации»)

Нижний Новгород

2018

Публикуется по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

УДК 81'1:008+82(091)+378.14

Сборник статей по материалам Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. – Н. Новгород: НГЛУ, 2018. – 103 с.

Настоящий сборник включает работы победителей и лауреатов Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ студентов, проходившего в течение октября 2018 года с целью выявления и поддержки наиболее талантливых и творчески активных студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. В сборнике представлены материалы научных работ по актуальным проблемам современной лексикологии, лингвокультурологии, коммуникативной и когнитивной лингвистики, сгруппированные в разделы: «Лингвистические исследования» и «Исследования по межкультурной коммуникации».

Редакционная коллегия:

И.Н. Кабанова, канд. филол. наук, доцент (отв. редактор)

Е.Г. Ножевникова, ассистент (отв. секретарь)

© НГЛУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	6
Е.А. Алтунгок (<i>Нижний Новгород</i>) Узнаваемость тюркских заимствований в русском и английском языках: эксперимент с носителями турецкого языка.....	7
Е.И. Гусева (<i>Нижний Новгород</i>) Сарказм как средство «сохранения лица».....	13
И.С. Колобова (<i>Нижний Новгород</i>) Сирийский конфликт: специфика освещения в российских СМИ...	19
А.Ю. Куликова (<i>Тверь</i>) Явление полифонии в художественном тексте как переводческая проблема (на материале отдельных глав романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби»).....	25
И.В. Ляпин (<i>Нижний Новгород</i>) Концептуальные метафоры мира природы в английской и русской языковых картинах мира (на примере лексем <i>flood</i> (наводнение) и <i>storm</i> (буря)).....	31
Л.А. Прудникова (<i>Нижний Новгород</i>) Вторичная номинация как средство создания английских баскетбольных прозвищ.....	39
Г.Х. Сунагатуллина (<i>Нижний Новгород</i>) Стратегии толерантности как способ гармонизации политической коммуникации (на материале американских политических интервью).....	44
А.Н. Цветков (<i>Нижний Новгород</i>) Средства репрезентации гендерных различий в дискурсе английских политических блогов.....	50
А.В. Шилина (<i>Нижний Новгород</i>) Структурно-семантическая организация речевых актов угрозы....	56

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	61
Е.С. Бубнова (<i>Нижний Новгород</i>) Лингвокультурное кодирование британской национальной идентичности (на материале творчества Стинга).....	62
М.А. Дементьева (<i>Нижний Новгород</i>) Языковая картина мира американской молодежи 50-60х гг. XX века (на материале литературы писателей бит-поколения).....	69
К.А. Колесниченко (<i>Волгоград</i>) Концептологическое поле дискурса страха (на примере новостного контента).....	76
С.А. Мансурова (<i>Нижний Новгород</i>) Концептуализация «Американской мечты» (на материале корпуса текстов СОСА).....	81
Д.А. Фогель (<i>Нижний Новгород</i>) Концепт «огонь» во французской языковой картине мира.....	87
М.А. Шиляева (<i>Петропавловск-Камчатский</i>) Концепт “RAIN” и его отражение в переводе.....	91
Т.А. Шишова (<i>Нижний Новгород</i>) Ассоциативная характеристика концепта «слово» в языковой картине мира носителей английского языка (по данным ассоциативного эксперимента).....	97

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ
по направлению:

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.А. Алтунгок
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

**УЗНАВАЕМОСТЬ ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ И
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ЭКСПЕРИМЕНТ С НОСИТЕЛЯМИ
ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА**

В современном русском и английском языках наблюдается довольно большое количество лексических заимствований из турецкого, которые в ходе процесса ассимиляции могут значительно изменять свой облик. В статье описываются результаты эксперимента по определению узнаваемости этих заимствований носителями турецкого языка.

Ключевые слова: степень ассимиляции, турецкое заимствование, тюркизм, фактор узнаваемости.

Ekaterina Altungok
Nizhny Novgorod State Linguistics University

**Recognition of Turkish Borrowings in Contemporary English and Russian:
Survey with Native Speakers**

In contemporary English and Russian languages a certain number of Turkish borrowings is identified, which after their assimilation may significantly change their appearance. An experiment was carried out to test the degree of recognition by the native speakers, the results of which are presented in the article.

Key words: degree of assimilation, Turkish borrowings, Turkism, recognition factor.

В любом языке мира присутствуют как исконные, так и заимствованные элементы. Заимствованные лексические единицы с течением времени подвергаются ассимиляции (адаптации к нормам принимающего языка). В результате подобных трансформаций далеко не всегда впоследствии носители языка-источника могут узнать в данном слове изначальный эквивалент, заимствованный из их родного языка.

В рамках проводимого исследования ассимиляции тюркизмов в современном английском и русском языках был проведен эксперимент с носителями турецкого языка, которым предлагалось распознать тюркизмы, существующие в данных языках. Представленные тюркизмы были выбраны из различных семантических групп и предположительно относились к различным

группам по степени ассимиляции. Была выдвинута гипотеза, что наименьшая степень ассимиляции заимствования способствует максимальному уровню узнавания носителями языка-источника, а наибольшая степень ассимиляции препятствует узнаванию.

В ходе эксперимента всего было опрошено 50 респондентов, возраст которых варьировался от 16 до 52 лет и которые относились к различным социальным и профессиональным группам, а также обладали разной гендерной принадлежностью. Респондентам предлагалось выявить в русских и английских словах наличие корня тюркского происхождения и / или попробовать найти эквивалент данному слову в турецком языке.

При составлении опросника заимствования в русском языке были изменены графически и записаны соответствующими буквами турецкого алфавита для того, чтобы респонденты не испытывали трудности в прочтении и не делали фонетических искажений, способных повлиять на восприятие слова и, как следствие, на результаты исследования. Были отобраны следующие заимствования: сундук (*sunduk*), арба (*arba*), шаровары (*şarovarı*), дудочка (*duduşka*), башмак (*başmak*), киоск (*kiosk*), кочевник (*koşevnik*), барин (*barin*).

Заимствование в русском	Турецкий эквивалент	Значение эквивалента
сундук (<i>sunduk</i>)	sandık	сундук
арба (<i>arba</i>)	araba	телега / повозка / машина
шаровары (<i>şarovarı</i>)	şalvar	широкие штаны / шаровары
дудочка (<i>duduşka</i>)	düdük или однокоренное dudak	музыкальный духовой инструмент / дудочка губы
башмак (<i>başmak</i>)	basmak или однокоренное basamak	наступать / давить ступенька
киоск (<i>kiosk</i>)	köşk	замок / павильон
кочевник (<i>koşevnik</i>)	göç / göçebe или корень köç от тюркского глагола köçmāk	переселение/миграция кочевник кочевать
барин (<i>barin</i>)	barınmak bayar	обеспечивать приют/ запасы знатный, великий

Заимствования в английском языке были представлены анкетизируемым в том виде, в котором они присутствуют в английских словарях, так как в турецком и английском алфавитах используются латинские буквы, что не

вызовет значительных затруднений при прочтении слова носителями турецкого языка: *yoghurt, yataghan, chibouk, caviar, janissary, turquoise, bachibouzouk*.

Займствование в английском	Турецкий эквивалент	Значение эквивалента
yoghurt	yoğurt	йогурт
yataghan	yatağan	ятаган
chibouk	çubuk	палочка / соломинка
caviar	havyar	икра
janissary	yeniçeri	янычар
turquoise	turkuaz	бирюзовый цвет
bachibouzouk	başı bozuk	сорвиголова / искалеченный на голову

При анализе данных, полученных в ходе эксперимента, было подтверждено, что заимствования с наименьшей степенью ассимиляции показали высокий процент совпадения с предложенными со стороны респондентов вариантами. Так, к заимствованию в русском языке «сундук» (*sunduk*) исходный эквивалент – *sandık* – предложили 63 % (31 из 50) респондентов. Данное заимствование характеризуется невысокой степенью ассимиляции, так как отличается от исходного слова, представленного в турецком языке, одной буквой, что отражается как графически, так и фонетически. Остальные исследуемые определили сходное по звучанию слово – *sunmak*, – которое, выступая в роли глагола в турецком языке, обозначает «предлагать» или «угощать», при этом форма *sunduk* полностью соответствует форме прошедшего времени 2-го лица множественного числа («мы предлагали»). Но несмотря на полное графическое сходство с глагольной формой, большая часть респондентов восприняли заимствование как существительное и определили его семантически точно, предложив правильное исходное слово к заимствованному тюркизму.

В отношении заимствований в английском языке с невысокой степенью ассимиляции были получены неоднозначные данные. Слово *yoghurt* показало наивысший процент узнавания – 99% (49 из 50), что свидетельствует о том, что данное заимствование, безусловно, воспринимается носителями тюркского как родное, несмотря на замену буквы *ğ* турецкого алфавита на сочетание букв *gh* в соответствии с особенностями английского языка. Однако слово *yataghan*, где произошла идентичная замена букв, было воспринято иначе – всего 6% (3 из 50). Данное обстоятельство объясняется тем, что слово относится к военной терминологии и не входит в сферу интересов большинства опрошенных. Это предположение подтверждается тем, что предложенные респондентами

варианты являются более употребляемыми в жизни и относятся к бытовой сфере: *yatak* (кровать) и производное *yatakhane* (спальня). Таким образом, при узнавании носителями языка заимствованных в другой язык слов важную роль играет не только степень фонетической и графической ассимиляции, но и такой дополнительный фактор, как семантическая группа, к которой относится заимствование.

Данные, полученные по заимствованиям со средней степенью ассимиляции, также демонстрируют высокий процент узнавания носителями. В русском языке заимствование «шаровары» (*şarovarı*) в связи со значительными фонетическими и графическими видоизменениями по сравнению с турецким словом *şalvar* вызвало затруднения у части респондентов: некоторые из них поставили прочерк, не найдя какой-либо вариант ответа. Тем не менее большинством опрошенных – 58% (29 из 50) данное заимствование было воспринято и правильно определено. Сходный результат был получен в отношении тюркизма «дудочка» (*dudoçka*). Присоединение русского суффикса *-очк* не помешало 65% (33 из 50) опрошенных выделить верный тюркский корень *dud*. Большинство респондентов указали тюркское слово с исходным корнем – *dudak* (губы) и часть опрошенных верно определили и смысловый эквивалент – *diidiik* (дудочка).

В английском языке заимствование со средней степенью ассимиляции *chibouk* было адекватно воспринято 60% респондентов (30 из 50). Часть опрошенных отметили сходное слово *çabuk*, но большинство носителей турецкого указали верный исходный и семантический эквивалент *çubuk*. Немало затруднений вызвало заимствование *caviar*, в котором в процессе ассимиляции к особенностям английского языка произошла замена первой буквы и гласной в корне (турецкое *havyar*). Данное обстоятельство усложнило процесс восприятия, учитывая, что по правилам фонетики турецкого буква «с» читается как [дж]. По предложенным вариантам можно проследить, что значительная часть респондентов старались подобрать эквиваленты, начинающиеся на буквы «с», «g» и даже «ş» – буквы, которые фонетически сходны со звуком [дж]. Если бы в начале слова присутствовала «к» вместо «с», предположительно процент узнавания был бы выше. Тем не менее, данное заимствование набрало 50% (25 из 50) правильных ответов респондентов.

Данные, полученные относительно заимствований с наибольшей степенью ассимиляции в русском языке, отразили невысокий процент узнавания. Тюркизм «киоск» (*kiosk*) вызвал затруднения при восприятии носителями, в связи с чем предлагались различные варианты ответов: *kask*, *kimo*, *kavuşmak*, *kitbaks*, *kilyos*, *kil*, *kar* и т.д. Часть опрошенных, не найдя тюркского корня, указали семантически близкие слова: магазин (*mağaza*), буфет (*büfe*) и бакалея (*bakkal*), то есть восприняли в его современном значении

как интернациональное. Только 23% респондентов (11 из 50) смогли найти исходный тюркский эквивалент *köşk* (замок).

Наименьший процент узнавания был получен в отношении заимствования «кочевник» (*koçevnik*), происходящего от тюркского корня *koç* или *göç* и глагола *koçmak* и прошедшее через ряд значительных изменений в процессе ассимиляции: добавление *-ев* к корню и присоединение русского суффикса *-ник*. Несмотря на сохранение начальной основы, слово приобрело вид, который неузнаваем большинством носителей тюркского. Только 14% респондентов (7 человека из 50) смогли привести исходные для заимствования тюркские корни *koç* (5 человек) и *göç* (1 человек) и лишь один респондент, не владеющий русским языком, указал семантический эквивалент в турецком – *göçebe* (кочевник).

В английском языке в отношении заимствований с высокой степенью ассимиляции был выявлен больший процент узнавания, по сравнению с русским. Тюркизм *janissary* был изменен и графически, и фонетически, но 34% (17 из 50) респондентов смогли привести исходный тюркский эквивалент *yeniceri*. Большое затруднение в восприятии носителями тюркского вызвало изменение начальной буквы «у» на «j», что фонетически сильно видоизменило данное слово. В связи с этим опрошенными предлагались варианты, которые по сути являлись фонетической имитацией и начинались на фонетически сходную букву «с» [дж]: *cani istese, cansız, caisız, canayakın, canısı, cansız, canı severim, can sıkıntısı, jant* и др. Несколько раз был предложен близкий варианты: *yeniseri*, но вариант не может быть засчитан, так как в переводе означает «новая серия» и говорит о том, что данные респонденты не узнали исходный эквивалент. Часть опрошенных поставили прочерк, не дав какого-либо ответа. Данные результаты позволяют прийти к заключению, что изменение первой буквы слова значительно влияет на узнавание и является важным критерием при определении степени ассимиляции заимствования. Так, заимствование в английском *turquoise* значительно видоизменилось графически, поменялась вторая часть слова по сравнению с исходным тюркизмом *turkuaz*. Но слово осталось узнаваемым большинством респондентов – 66% (33 из 50) в связи с тем, что данное заимствование сохранило первоначальные буквы неизменными.

Таким образом, было подтверждено, что заимствования с низкой степенью ассимиляции демонстрируют высокий процент узнаваемости и восприятия носителями тюркского. Однако, при этом затруднения вызывают слова, которые относятся к менее употребляемой семантической группе, даже если они обладают низкой степенью ассимиляцией, как, например, слово *yataghan*, входящее в сферу военной терминологии.

Кроме того было выявлено, что в целом тюркские заимствования в русском узнаются носителями языка лучше вследствие исторического родства русского языка с тюркскими. Большинство тюркизмов широко употребляемы и входят в сферу повседневной лексики русского языка. Затруднение вызывает присоединение русских суффиксов к заимствованным словам, а также такой грамматический показатель русского языка, как окончание. В частности рассмотренное выше заимствование «дудочка» обладает окончанием, которое свидетельствует о женском роде существительного (для сравнения: турец. *düdük* не имеет окончания и, как все существительные турецкого языка, не обладает категорией рода).

Важным фактором распознавания тюркизмов в английском языке становится начало слова: если оно сохранилось в форме, близкой к исходному эквиваленту (как с заимствованием *turquoise*), то процент узнавания повышается, в случае же изменения начальных букв слова (например, *caviar*) восприятие усложняется.

Данные, полученные в ходе эксперимента, позволяют наглядно продемонстрировать процесс видоизменения и ассимиляции слов турецкого происхождения в рамках принимающего (русского или английского) языка, а в практической сфере могут быть использованы в процессе обучения иностранным языкам для упрощения коммуникации между носителями представленных языков.

Е.И. Гусева
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

САРКАЗМ КАК СРЕДСТВО «СОХРАНЕНИЯ ЛИЦА»

Сарказм чаще всего рассматривается в различных исследованиях как средство выражения неодобрения, критического отношения. Однако, в рамках британского лингвосоциума его функции намного более разнообразны. В настоящей статье рассматриваются лингвистические особенности саркастических высказываний, используемых в коммуникации как средство «сохранения лица» собеседника.

Ключевые слова: коммуникативная функция, сарказм, средство «сохранения лица».

Elizaveta Guseva
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Sarcasm as a “Face-saving” Device

Sarcasm is predominantly considered to be a means of revealing disapproval, critical attitude. However, in the British lingvosociety the functions of sarcasm are much more numerous. The article focuses on the possibility of using sarcasm as a face-saving device in communication.

Key words: communicative function, sarcasm, face-saving device.

На данный момент не существует единой точки зрения о целях использования и эффекте саркастических высказываний. Наиболее общепризнанным является представление о большей степени критичности саркастического высказывания по сравнению с буквальным [5]; считается, что чаще всего сарказм используется, чтобы комически выразить завуалированное неодобрение или презрение [3]. Однако, тот факт, что, несмотря на цель говорящего выразить недовольство, неодобрение, порицание каких-либо качеств или действий собеседника, критичность скрыта за внешней положительной формой саркастического высказывания, позволяет в ряде случаев осуществить коммуникативное намерение (негативную оценку) и при этом «сохранить лицо» реципиента сарказма.

Функция «сохранения лица» в аспекте максимы вежливости чаще всего рассматривается в рамках анализа функционирования иронии, тем не менее, представляется возможным рассмотреть ее применительно к саркастическим

высказываниям. Как отмечает К. Барб, «при использовании иронии коммуниканты не так очевидно агрессивны и могут обмениваться ‘контратаками’. Таким образом, ирония предотвращает конфликт. Критическое замечание, преподнесенное в вежливой форме, помогает говорящему и адресату сохранить лицо» [2; *перевод автора*]. Поскольку саркастическое высказывание может рассматриваться как проявление ироничности в английском лингвосоциуме [1] и, в сущности, и есть «критическое замечание, преподнесенное в вежливой форме», данная точка зрения применима и к сарказму.

Анализ как теоретических источников, так и фактического материала, отобранного из современных британских телесериалов, показал, что для определения саркастического высказывания как «сохраняющего лицо» необходимо соответствие следующим критериям:

- 1) высказывание может включать слова с положительным денотатом;
- 2) в высказывании отсутствует полное противоречие между значениями (денотат может иметь положительное значение в контексте).

LESTRADE: Got anything?

SHERLOCK (nonchalantly): Not much.

ANDERSON: She's German. "Rache": it's German for "revenge". She could be trying to tell us something...

(While he was speaking, Sherlock has walked quickly towards the door and now begins to close it in Anderson's face).

SHERLOCK (*sarcastically*): Yes, thank you for your input. ("*Sherlock*" season 1 episode 1) [7].

В данном фрагменте Шерлок эксплицитно благодарит Андерсона за вклад в исследование, однако имплицитный смысл пренебрежительного отношения Шерлока к способностям реципиента сказать что-либо стоящее становится очевидным ввиду наличия в транскрипте маркера *sarcastically*. В то же время выражение "*thank you*" сохраняет прямое значение благодарности, поскольку абсурдное предположение Андерсона заставляет Шерлока начать мыслить в верном ключе. Реципиент, в свою очередь, осознает неуместность своей догадки благодаря саркастическому замечанию и соглашается с ним (молчаливое согласие, а не активный вербальный контраргумент), что предотвращает возможное возникновение конфликта (например, если бы комментарий Шерлока был более вербально агрессивным). В результате коммуникативное намерение говорящего – осмеять собеседника – осуществлено, однако репутация последнего остается незатронутой за счет внешне положительной формы высказывания.

Пренебрежительное отношение к интеллектуальным способностям окружающих людей является одной из личностных характеристик Шерлока как персонажа в сериале. В следующем фрагменте детектив саркастически осмеивает убийцу, который предположил, что находится на одном уровне интеллектуального развития с ним (*“Sherlock” season 1 episode 1*):

JEFF: Sherlock ‘olmes. Look at you! ‘Ere in the flesh. That website of yours: your fan told me about it.

SHERLOCK: My fan?

JEFF: You are brilliant. You *are*. A proper genius. “The Science of Deduction”. Now that is *proper* thinking. Between you and me sitting ‘ere, why can’t people just *think*? Don’t it make you mad? Why can’t people just *think*?

(He looks into Sherlock’s eyes. Sherlock looks back at him for a long moment, narrowing his eyes, then makes a realization).

SHERLOCK (*his voice dripping with sarcasm*): Oh, *I* see. So you’re a proper genius, too [7].

В анализируемом фрагменте ряд высказываний Джеффа (*“You are brilliant... A proper genius... Now that is proper thinking”*) позволяет сделать вывод, что он восхищается интеллектуальными способностями Шерлока и его мастерством дедукции. Однако предположение Джеффа, что он находится на одной степени умственного развития с Шерлоком (*“Between you and me sitting ‘ere, why can’t people just think?”*), последнего вводит в смятение. Детективу требуется время, чтобы осознать, что кто-либо может считать себя столь же гениальным (*“Sherlock looks back at him for a long moment, narrowing his eyes, then makes a realization”*). Очевидно, Шерлок не разделяет мнения собеседника, однако в целях самосохранения прибегает к тактике «сохранения лица», чтобы саркастически осмеять неадекватную в его восприятии самооценку Джеффа: слова с положительным денотатом используются в противоположном смысле, на что указывает маркер *sarcasm* в транскрипте.

Саркастический эффект в данном случае усиливается за счет повторения Шерлоком тех же лексических единиц в адрес Джеффа, который последний использовал в адрес Шерлока: *a proper genius*. Значение комплимента частично сохраняется именно из-за повторения лексических единиц – внешняя форма высказывания свидетельствует о том, что Шерлок использует данное выражение, чтобы идентифицировать себя и Джеффа (функция «сохранения лица» в данном случае находится на стыке с функцией идентификации).

Саркастическое отношение к действительности и окружающим людям характеризует и других персонажей данного сериала помимо самого Шерлока.

В следующем примере Джон использует саркастическое замечание в адрес своего друга (*“Sherlock” season 1 episode 3*):

SHERLOCK: I’ve disappointed you.

JOHN (*sarcastically*): That’s good – that’s a good deduction, yeah [7].

Шерлок объективно замечает, что некоторые черты его характера могут обидеть или разочаровать близких людей, Джон соглашается с ним, при этом не нанося ему обиду: он саркастически хвалит его дедукцию. Именно саркастический смысл в данной ситуации помогает избежать конфликта. Кроме того, похвала умозаключения Шерлока как мастера дедукции не только «сохраняет его лицо», но и возвышает его репутацию.

В следующем примере адресантом саркастического высказывания является Мэри Уотсон (*“Sherlock” season 4 episode 1*):

FLIGHT ATTENDANT: Everything okay, madam?

MARY: No! No, no, it’s not, but then what’s the use in complaining? I hear a squeaking. Probably the wing’ll come off, it’s all.

(The attendant laughs politely).

FLIGHT ATTENDANT: Everything’s fine, I promise you. Just relax.

MARY (*sarcastically*): Oh, okay, relax. (She slaps her fellow passenger’s arm as the attendant walks away towards the rear of the plane). She said relax. (She sniggers) [7].

В ситуации, где нормальной реакцией пассажира самолета является паника и страх за свою жизнь, стюардесса просит Мэри расслабиться. Однако учитывая все обстоятельства (Мэри ждет ребенка; при этом слышит во время перелета звуки, указывающие на авиакатастрофу), расслабиться представляется ей невозможным. В своем саркастическом высказывании, направленном на аудиторию (ее сосед в самолете), она повторяет слово *relax*; таким образом, внешне она поддерживает репутацию стюардессы согласием с ее рекомендацией, однако маркер «*sarcastically*» указывает на то, что Мэри не представляет возможным расслабление в данной ситуации.

Проанализированные примеры подтверждают гипотезу о том, что саркастическое высказывание как средство «сохранения лица» зачастую включает повторяющиеся лексические единицы, а также лексические единицы со значением согласия, что однако не является абсолютно необходимым.

Следующий пример также является яркой иллюстрацией «сохранения лица». Адресантом саркастического высказывания, направленного на Джона, является Майкрофт (*“Sherlock” season 4 episode 3*):

MYCROFT (*sarcastically*): Well done, Doctor Watson. How useful you are [7].

Из данного примера можно заключить, что суждение Джона не принесло пользы и не представляется Майкрофту стоящим. С одной стороны, соблюдается внешне одобрительная форма высказывания (лексические единицы: *well done, useful*), с другой – маркер *sarcastically* указывает на противоположное значение (в данном случае неодобрение). Это позволяет сделать вывод, что саркастическое высказывание «сохраняющее лицо» может строиться как псевдокомплимент. Таким образом, коммуникативная цель говорящего – выразить критику – осуществлена, при этом не задета репутация реципиента сарказма.

Сарказм в британской лингвокультуре имеет крайне широкое распространение – зачастую саркастические высказывания можно встретить в сериалах фантастического или научно-популярного жанра. К примеру, в сериале “*In the Flesh*” в центре сюжета находится подросток, прошедший реабилитацию после эпидемии зомби и вернувшийся в семью. Некоторые особенности организма, такие как восприятие вкуса и переваривание пищи, однако, остались ему недоступны (“*In the Flesh*” *season 1 episode 1*):

STEVE This is a lovely bit of beef, Sue. Isn't it, Kier?

KIEREN (*sarcastic*): Delicious, dad. Melts in the mouth [4].

Своим саркастическим замечанием Кирен не задевает чувств отца, поскольку соблюдает внешне доброжелательную форму высказывания, и в то же время напоминает, что он по-прежнему отличается от своей семьи. Саркастическое высказывание в данном примере представляет собой псевдокомплимент.

Схожий пример использования саркастического псевдокомплимента наблюдается и в сериале о повседневной жизни (“*Our girl*” *season 1 episode 4*):

SMURF That is the dress I'm getting you.

(Molly looks at the photo).

MOLLY (*sarcastic*) Classy [6].

Молли не отрицает достоинств платья классического покроя, хотя и не скрывает своего отношения к подобному стилю.

Таким образом, можно сделать следующее заключение об особенностях саркастических высказываний, используемых с целью «сохранения лица» собеседника:

- В высказывании нет полной подмены значений: часть прямого значения (комплимент, похвала) сохраняется. Высказывание может включать благодарственные фразы (*thank you, well done, that's good, delicious*), а также высокую лексику, направленную в адрес реципиента (*hero, genius, sir*), денотат которых не изменен.
- Структурно, саркастические высказывания чаще всего представляют собой простые предложения («*Classy*», «*Delicious, dad*», «*Sir*», «*She said relax*», «*Yes, thank you for your input*», «*So you're a proper genius, too*»).
- Высказывания нередко представляют собой псевдокомплимент (*useful, delicious*) и / или характеризуются повтором элементов из реплики собеседника (*proper genius, relax, yes, I see, yeah, okay*).

Библиографический список

1. Гусева Е.И. К вопросу о статусе сарказма в коммуникации представителей британского лингвосоциума // Новое слово в науке и практике / Сборник статей по материалам VI международной научно-практической конференции № 3 (6); Уфа: Изд. Дендра, 2017. С. 59-65.
2. Barbe K. Irony in context. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995. 208 p.
3. Gino F. The Surprising Benefits of Sarcasm // Электронный ресурс Интернет: <https://www.scientificamerican.com/article/the-surprising-benefits-of-sarcasm/>.
4. In the Flesh. Transcripts of Episodes // Электронный ресурс Интернет: <https://www.bbc.co.uk/writersroom/scripts/in-the-flesh>.
5. McDonald S. Exploring the Process of Inference Generation in Sarcasm: A Review of Normal and Clinical Studies // Brain and Language. № 68. 1999. P. 486-506.
6. Our Girl. Transcripts of Episodes // Электронный ресурс Интернет: <https://www.bbc.co.uk/writersroom/scripts/Our-Girl>.
7. Sherlock. Transcripts of Episodes // Электронный ресурс Интернет: <https://arianedevere.livejournal.com/>.

И.С. Колобова
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ: СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ В РОССИЙСКИХ СМИ

В статье рассматриваются особенности освещения Сирийского конфликта англоязычными и российскими СМИ, выделяются языковые средства, используемые в политическом медиа-дискурсе с целью создания определенной картины политической действительности в условиях военного конфликта.

Ключевые слова: информационная война, политический медиа-дискурс, речевое воздействие, Сирийский конфликт, язык военного конфликта.

Irina Kolobova
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Syrian Conflict: Peculiarities of Presentation in Russian Mass Media

The article highlights specific features of presentation of Syrian conflict in English and Russian mass media, studies linguistic means used by political mass media discourse for the purpose of creating a certain political reality in the situation of military conflict.

Key words: information war, political mass media discourse, persuasion, Syrian conflict, language of military conflict.

Современная политическая картина меняется из года в год, напряжение между государствами постоянно нарастает. Одним из наиболее ярких примеров является столкновение позиций США и России, которые оказались антиподами в рамках гражданской войны в Сирии. Представители обеих стран используют СМИ для того, чтобы воздействовать на общественное мнение, показать свое политическое и экономическое превосходство. В связи с этим можно отметить, что в Сирийском конфликте имеет место такое понятие, как «информационная война». Рассмотрим ее реализацию посредством коммуникативных стратегий и тактик в российских печатных изданиях.

Одной из основных стратегий воздействия на массовое сознание является стратегия дискредитации, в основе которой лежит интенция, направленная на умаление авторитета оппонента [1].

Из-за нарастающего напряжения между Россией и Америкой в связи с эскалацией ситуации в Сирии отношения между этими двумя державами стали максимально недоверительными и неодобрительными по отношению друг другу. В одном из изданий цитируется речь президента В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба "Валдай" относительно политики Запада:

Россия не пытается восстановить империю, но требует уважения, заявил Владимир Путин на итоговой сессии клуба «Валдай» в Сочи. В своей речи глава государства осудил действия США, «наломавших дров» на мировой арене, и призвал мир к кооперации на основе учета взаимных интересов.

«Наши американские друзья режут сук, на котором сидят. Нельзя смешивать политику с экономикой», – предостерег глава государства.

Президент не устаёт удивляться, как партнеры «раз за разом наступают на одни и те же грабли» [2].

В представленном фрагменте президент использует фразеологические обороты, характерные для разговорной речи, как «наломать дров», «резать сук, на котором сидишь», «наступать на одни и те же грабли». Все фразеологизмы в качестве общей ядерной семы имеют значение «ошибаться» с некоторыми дополнительными оттенками значения. Автор представляет позицию президента, отмечая, что США повсеместно используют силовые акции, экономическое и пропагандистское давление и вмешательство во внутренние дела; не готовы участвовать в мирных переговорах.

Также дискредитация образа Америки осуществляется за счет обвинения страны в бездействии и пособничестве террористам, при этом авторы противопоставляют Америку и ее нечестную игру России, которая успешно ведет войну с захватчиками в Сирии, освобождает территории и помогает невинным людям, ставшим заложниками военного конфликта.

«Всегда трудно вести двойную игру. Объявлять о борьбе с террористами и одновременно пытаться использовать часть из них для того, чтобы расставить фигуры на ближневосточной доске в своих интересах. Как кажется - в своих интересах», – привел пример он, отметив, что, таким образом устраняя неудобные режимы, «невозможно добиться успеха в борьбе с террористами» [3].

В данной статье представлено интервью президента В.В. Путина, который говорит о нарастающем напряжении в Сирии. Согласно

представленным высказываниям, США стараются создать видимость, что учитывают интересы всех сторон, но действуют лишь в своих интересах. Так их действия в статье описаны разговорной фразой «вести двойную игру», что обличает их в содействии противоборствующим сторонам. В данном высказывании отмечено неоднократное использование метафоры игры. Например, выражение «расставить фигуры на доске», что подразумевает соперничество и азарт представителей государств, и желание выйти в этой «игре» победителем, получив как можно больше преимуществ.

Одним из аргументов, подкрепляющих обвинение, в российской прессе является спорное отношение США к группировки «Джебхат-ан-Нусра», которую Америка не признает террористической и настаивает на прекращении огня.

Захарова рассказала о попытках США «приручить» террористов

«У наших американских коллег есть иллюзия, что терроризм можно приручить, приманить, приучить к чему-то. Это невозможно,» – цитирует РИА Новости Захарову. – «Терроризм как змея: ты отвернешься – и он ужалит. Играть с ним нельзя» [4].

В тексте представлено мнение российского дипломата М.В. Захаровой с использованием зооморфных метафор и сравнений: («приручить» или «как змея»), также в речи представлены кореферентные синонимичные глаголы, имеющие разные оттенки одного значения: «приручить, приманить, приучить». Целью статьи является акцентуация двойственной позиции США, которые с одной стороны декларируют борьбу с терроризмом, с другой – встают на сторону террористических группировок.

Еще одной актуальной стратегией является фрустрационная стратегия, которая основывается на создании определенного эмоционального состояния человека, выведении его из психологического равновесия, поскольку именно через апелляцию к чувствам и эмоциям человека манипулятору проще оказывать влияние на реципиента. Основной тактикой данной стратегии является оперирование статистикой, что создает иллюзию объективности.

С начала перемирия в Сирии погибли 63, ранены 252 мирных жителя, потери военных сирийской армии составили 153 человека [5].

Жертвами борьбы США с «ИГ» стали 459 мирных жителей [6].

Базирующаяся в Великобритании сирийская мониторинговая группа по правам человека, которая опирается на сеть активистов в Сирии, заявила, что 173 сирийских мирных жителя были убиты в результате воздушной кампании коалиции, в том числе 53 несовершеннолетних.

По словам представителей ООН, с 22 апреля жертвами бомбардировок стали 279 гражданских жителей города: 155 – в районах, контролируемых оппозицией, и 124 – правительственными силами. По данным «Врачей без границ», за последние 10 дней по Алеппо было нанесено около 300 авиаударов. В результате авиаудара по больнице 27 апреля погибло не меньше 30 человек (60 ранено), в том числе единственный оставшийся в этой части города врач-педиатр [7].

В данном тексте автор предоставляет информацию о количестве жертв среди местного населения в результате операции США и их соратников. Также автор подчеркивает, что среди пострадавших были и дети, указывая точную цифру погибших без ссылки на уточняющий источник.

В рамках фрустрационной стратегии используется и тактика «негативное прогнозирование», суть которой состоит в «сгущении негативных смыслов, позволяющих журналисту апеллировать к чувству страха перед смертью, дефициту различного рода ресурсов, перед внешней и внутренней угрозой» [1].

Также Асад пообещал, что Алеппо станет кладбищем для надежд и мечтаний президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, которого он обвинил в финансировании сирийских повстанцев, борющихся с правительственными войсками [8].

В данном фрагменте автор использует морбиальную метафору, называет город кладбищем для надежд и мечтаний. Данное выражение может быть интерпретировано как в переносном, так и буквальном смысле, поскольку в результате бомбардировки Алеппо погибло большое количество человек, были разрушены многочисленные культурные и исторические памятники. В статье описывается появление нового участника в войне – Турции; таким образом, гражданское противостояние превратилось в интернациональный конфликт.

Одним из коммуникативных ходов, реализующих данную стратегию, является использование такого стилистического приема, как оксюморон, основанного на сопоставлении взаимоисключающих понятий.

Огненное перемирие в Сирии [7].

Холодная оттепель: чего ждать от отношений России и США [9].

Автор использует данный семасиологический прием для создания емкой, неоднозначной оценочной номинации, индуцирующей скрытый воздействующий потенциал. В обеих статьях говорится о мнимом перемирии, о временном затишье, которое в действительности таковым не является.

Употребление данного приема в сильной позиции – в заголовке – позволяет автору передать напряженность ситуации, настроить читателя на соответствующее восприятие основного текста.

Следует отметить, что для российских печатных изданий довольно характерно эвфемистическое обозначение военных действий. Так, гражданская война в Сирии обозначается, как «конфликт» или «кризис», поскольку данная номинация имеет более нейтральный оценочный потенциал. Причиной использования смягчающих эвфемизмов в прессе является тот факт, что война ассоциируется с большим количеством жертв, вооруженным столкновением, а слово «конфликт» воспринимается, как столкновение интересов, разногласие. Думается, что представление массового адресата о ситуации в Сирии весьма искажается посредством использования данной эвфемистической номинации.

*Россия продолжит добиваться мирного урегулирования **конфликта в Сирии**, передает ТАСС заявление постоянного представителя РФ при ООН Виталия Чуркина [10].*

*Стороны **сирийского конфликта** проведут переговоры в Москве [11].*

Современные СМИ, отражая политическую действительность, способствуют в то же время усугублению и обострению положения в ситуации военного конфликта. При этом основной сферой интереса противоборствующих сторон в информационной войне является человеческая психика – состояние массового адресата, его восприятие конфликта, манипуляция индивидуальным и массовым сознанием. Предоставляя общественному мнению исключительно выгодные факты под правильным углом и соответствующим образом фильтруя информацию, пресса изменяет своему основному предназначению – информированию общества о текущем положении дел. Приоритетной в современных условиях становится воздействующая функция (оценочная / прагматическая функция / функция создания определенного мнения), направленная на формирование определенной политической реальности у аудитории, что ставит под угрозу информационную объективность и безопасность социума.

Библиографический список

1. Катенева И.Г. Механизмы манипуляции в текстах СМИ // Электронный ресурс Интернет: <https://kat-bilbo.livejournal.com/1504022.html>.
2. Латухина К. Путин: В мире накопилось множество противоречий // Электронный ресурс Интернет: <https://rg.ru/2014/10/24/valday-site.html>.
3. Путин призвал не использовать «двойную игру» в борьбе с терроризмом // Электронный ресурс Интернет: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/10/22/613969-putin-dvoynuyu-igru-terrorizmom>.

4. Захарова рассказала о попытках США «приручить» террористов // Электронный ресурс Интернет: <https://rg.ru/2016/11/04/zaharova-rasskazala-o-popytkah-ssha-priruchit-terroristov.html>.
5. Степанов Г., Сафронов И. Сирия возвращается с перемирия террористов // Электронный ресурс Интернет: <https://www.kommersant.ru/doc/3093910>.
6. Макарычев М. Жертвами борьбы США с «ИГ» стали 459 мирных жителей // Электронный ресурс Интернет: <https://rg.ru/2015/08/04/koaliciya-site.html>.
7. Эппле Н. Огненное перемирие в Сирии // Электронный ресурс Интернет: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/05/640037-ognennoe-peremirie-sirii>.
8. Асад пообещал освободить всю Сирию // Электронный ресурс Интернет: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/06/07/644398-asad-siriyu>.
9. Журавлева В. Холодная оттепель: чего ждать от отношений России и США // Электронный ресурс Интернет: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/29/12/2015/56827529a79471f566381c1>.
10. Чуркин: Россия нацелена на мирное урегулирование конфликта в Сирии // Электронный ресурс Интернет: <https://rg.ru/2015/04/24/churkin-anons.html>.
11. Стороны сирийского конфликта проведут переговоры в Москве // Электронный ресурс Интернет: <https://rg.ru/2015/01/26/peregovori-anons.html>

А.Ю. Куликова
Тверской государственной университет,
Тверь

**ЯВЛЕНИЕ ПОЛИФОНИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**
(на материале отдельных глав романа Ч. Диккенса «Жизнь и
приключения Николаса Никльби»)

В статье речь идет о явлении полифонии в художественном тексте, которое позволяет понять характер отношений между автором-повествователем и героями произведения. Также это явление как характеристика идиостиля писателя способствует созданию уникальности произведения и, соответственно, представляет определенную трудность для работы переводчика.

Ключевые слова: антропоцентризм, идиостиль, книжная лексика, контраст, перевод, полифония, разговорная лексика, функционально-стилевое расслоение лексики.

Alena Kulikova
Tver State University

The Phenomenon of Polyphony in the Artistic Text as a Translation Problem
(Based on the Material of Chapters of the Novel “The Life and Adventures of
Nicholas Nickleby” by C. Dickens)

The article deals with the phenomenon of polyphony in the artistic text, which gives us the possibility to understand the nature of the relationship between author-narrator and characters. Also, this phenomenon as a characteristic of the writer's idiosyncrasy contributes to the creation of the uniqueness of the work thus presenting a certain problem for translation.

Key words: anthropocentrism, idiostyle, bookish vocabulary, contrast, translation, polyphony, colloquial vocabulary, functional style stratification of vocabulary.

Изначально термин «полифония» использовался в музыке, где означал «вид многоголосия, основанный на одновременном звучании двух или более мелодических линий или мелодических голосов» [1. С. 344]. В литературоведении XX в. термин «полифония» был впервые введен М.М. Бахтиным (1895–1975), русским философом, культурологом, теоретиком

европейской культуры и искусства, в значении разноголосицы, одновременного «звучания» авторского «голоса» и «голосов» литературных героев [6]. В книге «Проблемы творчества Достоевского» (1929) он впервые метафорически употребляет музыковедческий термин «полифония» применительно к произведениям словесного творчества: «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского» [1. С. 8].

Исследование повествовательной полифонии относится к числу методик, целью которых является более детальное изучение антропоцентрической сущности художественного текста. Через полифонию раскрывается вся полнота отношений двух личностей – автора-повествователя и персонажа. В руках автора находится живой инструмент – слово персонажа, с помощью которого он достигает поставленных задач. Это слово предназначено в первую очередь для читателя. Таким образом, благодаря повествовательной полифонии в тексте художественного произведения создается тесная взаимосвязь автора и персонажа, выраженная в функционировании коммуникативного треугольника «автор – персонаж – читатель».

Явление полифонии можно четко наблюдать в романе Ч. Диккенса (1812–1870) «Жизнь и приключения Николаса Никльби» (1838–1839). В произведении создаются две линии: автора и героев. Они прорисовываются одновременно. Эти линии никогда не пересекаются (то есть параллельны), так как у автора нет прямого контакта с героями, они независимы от него. Повествование ведется от третьего лица, автор – объективный и всезнающий обозреватель происходящих событий. Он непрестанно комментирует действия персонажей. Обращение к тексту позволяет увидеть, что диалоги героев часто перемежаются замечаниями автора по поводу их речи и поведения. Например:

1. – *'How is my Squeery?' said this lady in a playful manner, and a very hoarse voice.*
– *'Quite well, my love,' replied Squeers.*
2. – *'This is the new young man, my dear,' said that gentleman.*
– *'Oh,' replied Mrs Squeers, nodding her head at Nicholas, and eyeing him coldly from top to toe.*
3. – *'Please, sir, I fell asleep over the fire,' answered Smike, with humility.*
– *'Fire! what fire? Where's there a fire?' demanded the schoolmaster, sharply.*

Смена двух дискурсов, автора и героев, объясняется тем фактом, что текст – явление линейное, и показать одновременность действий персонажей и автора-обозревателя (когда герои что-то говорят и делают, а автор-повествователь в это время наблюдает за ними и оценивает их речь и поведение) не представляется возможным.

Представляет интерес, что Диккенс строит свое произведение на контрасте. В тексте визуально представлена разница между дискурсами автора и героев. Большие фрагменты повествования сменяются короткими репликами диалогов. Например:

They had not been in this apartment a couple of minutes, when a female bounced into the room, and, seizing Mr Squeers by the throat, gave him two loud kisses: one close after the other, like a postman's knock. The lady, who was of a large raw-boned figure, was about half a head taller than Mr Squeers, and was dressed in a dimity night-jacket; with her hair in papers; she had also a dirty nightcap on, relieved by a yellow cotton handkerchief which tied it under the chin.

–‘How is my Squeery?’ said this lady in a playful manner, and a very hoarse voice.

–‘Quite well, my love,’ replied Squeers. ‘How’s the cows?’

–‘All right, every one of’em,’ answered the lady.

–‘And the pigs?’ said Squeers.

–‘As well as they were when you went away.’

Это контрастное различие можно объяснить статусной дифференцированностью автора и героев по отношению друг к другу: не только по тому, какие роли выполняют повествователь и персонажи (герои – действующие лица, автор – сторонний обозреватель), но и по их личностному развитию (персонажи в большинстве своем – необразованные, узко мыслящие и грубые люди; повествователь, напротив – высоко интеллектуальный и всесторонне развитый человек). Лексика, используемая автором и героями, подчеркивает этот контраст. Она представлена в романе всеми тремя функциональными стилями: нейтральным, неформальным (разговорным) и формальным (книжным). Лексика нейтрального стиля присутствует в дискурсе как автора, так и персонажей. Что касается других стилей, то речь автора как человека образованного, говорящего правильно и красноречиво характеризуется широким использованием книжной (возвышенной) лексики, а речь героев, которые не слишком развиты умственно и духовно – использованием разговорной (иногда сниженной) лексики, главным образом фразеологических оборотов и устойчивых выражений:

A ride of two hundred and odd ('odd' – 'странный', здесь используется в редком значении 'с лишним') miles in severe weather, is one of the best softeners ('softener' – 'смягчитель', слово редко употребляется) of a hard bed that ingenuity can devise ('ingenuity' – 'изобретательность', 'devise' – 'изобретать' (нейтральное – 'invent'), оба слова содержат одну и ту же сему 'изобретать что-то', поэтому их одновременное употребление избыточно, можно заменить на 'that can be devised'). Perhaps it is even a sweetener ('sweetener' – 'подсластитель', слово редко употребляется) of dreams, for those which hovered ('hover' – 'парить' / 'зависать', нейтральное – 'soar') over the rough couch ('couch' – в данном контексте 'ложе' возвышенный вариант от нейтрального 'bed') of Nicholas, and whispered their airy nothings ('nothings' – 'пустяки', нейтральное – 'trifles') in his ear, were of an agreeable and happy kind. He was making his fortune very fast indeed, when the faint glimmer of an expiring candle ('expiring candle' – 'истекающая свеча', вместо 'огарка' – 'candlestick') shone before his eyes, and a voice he had no difficulty in recognising as part and parcel ('part and parcel' – 'неотъемлемая часть', нейтральное – 'an integral part of' / 'essential') of Mr. Squeers, admonished ('admonish' – 'увещевать', нейтральное – 'warn' / 'persuade' ('предупреждать' / 'убеждать')) him that it was time to rise.

– 'Past seven, Nickleby,' said Mr. Squeers.

– 'Has morning come already?' asked Nicholas, sitting up in bed.

– 'Ah! that has it,' replied Squeers, 'and ready iced too. Now, Nickleby, come; tumble up ('tumble up' – 'Подъем!', разговорный вариант), will you?'

Nicholas needed no further admonition ('admonition' – 'увещевание', нейтральное – 'warning' / 'persuasion' ('предупреждение' / 'убеждение')), but 'tumbled up' at once, and proceeded to dress himself by the light of the taper, which Mr. Squeers carried in his hand.

– 'Here's a pretty go ('here's a pretty go' – 'Ну и положеньице!', разговорный вариант), 'said that gentleman; 'the pump's froze.'

– 'Indeed!' said Nicholas, not much interested in the intelligence (здесь 'intelligence' – 'сведения' / 'замечания', нейтральное – 'information' / 'observation').

– 'Yes,' replied Squeers. 'You can't wash yourself this morning.'

– 'Not wash myself!' exclaimed Nicholas.

– 'No, not a bit of it ('not a bit of it' – 'нисколько' / 'не тут-то было', разговорный вариант), 'rejoined Squeers tartly ('tartly' – 'едко', нейтральное – 'sarcastically'). 'So you must be content with giving yourself a dry polish ('giving oneself a dry polish' – 'обтереться чем-то сухим', разговорный вариант) till we break the ice in the well, and can get a bucketful out for the boys. Don't stand staring at me, but do look sharp ('do look sharp!' – 'живей' / 'смотри в оба', разговорный вариант), will you?'

Более того, важно отметить, что авторские высказывания визуально отличаются по длине от реплик героев. Слова возвышенной лексики, к которым часто прибегает автор, как правило, многосложны (*'ingenuity', 'sweetener', 'nothings', 'admonished', 'intelligence'*); разговорная лексика персонажей проста (примерно от 3 до 6 букв: *'tumble up', 'here`s a pretty go', 'do look sharp'*), что объясняется желанием героев коротко и ясно выражать свои мысли, а также их эмоциональным состоянием (удивлением, недоумением, раздражением и т.д.).

Кроме того, контраст усиливается за счет использования как синтаксических, так и лексических стилистических средств: эллипсиса (*"Ale, Squeery?"*; *"Uncommon juicy steak that"*; *"Past seven, Nickleby"*), повтора (*"How is my Squeery?"* (Mrs Squeers); *"How`s the cows?"* (Mr Squeers); *"How`s the steak, Squeers?"* (Mrs Squeers)), разделительных вопросов (*"Now, Nickleby, come; tumble up, will you?"*; *"Don`t stand staring at me, but do look sharp, will you?"*; *"Let`s go to the classroom; and lend me a hand with my school-coat, will you?"*), обценной лексики (*"Devil a bit"*; *"Damn that boy"*; *"Drat the things"*).

Такой контрастивный подход задуман автором неслучайно. Его цель – показать на фоне всеведущего и образованного повествователя, насколько необразованны, нетактичны и грубы главные герои – успешно достигается благодаря сквозному методу противопоставления. Слово является основной характеристикой человека. Подбирая нужную лексику, автор легко «перевоплощается» в героев и как бы говорит их устами. Лексические и синтаксические стилистические приемы подчеркивают особенность идиостиля который делает произведение узнаваемым и оригинальным.

Если посмотреть на перевод романа на русский язык Евгением Львовичем Ланном (1896–1958), можно заметить, что где-то он сохраняет стиль автора, а где-то отходит от него. Например, фрагменты авторского повествования переводятся весьма точно, с соответствующим подбором лексики возвышенного стиля: *'измыслить'* (*'devise'*), *'изобретательный ум'* (*'ingenuity'*), *'сладость'* (*'sweetener'*), *'ложе'* (*'couch'*), *'угасающая свеча'* (*'expiring candle'*), *'неотъемлемая принадлежность'* (*'part and parcel'*), *'увещевания'* (*'admonition'*). То же самое можно сказать и о речи героев, здесь переводчик использует много сниженной и обценной лексики: *'Живее!'* (*'Come!'*), *'Хорошенькое дело!'* (*'Here`s a pretty go!'*), *'таращить'* (*'stare'*), *'Пошевеливайтесь!'* (*'Do look sharp!'*); *'Черт побери!'* (*'Drat the things!'*), *'Черта с два!'* (*'Devil a bit!'*). С целью усиления эмоциональности речи героев используются междометия (*'Ну-ка, Никльби, ...'* вместо *'Now, Nickleby, ...'*) и диминутивные суффиксы (*'мальчишки'* / *'boys'*; *'милочка'* / *'my love'*; *'Хорошенькое дело!'* / *'Here`s a pretty go!'*), которых в тексте оригинала нет.

Однако, есть моменты, где, как представляется, переводчик не совсем справляется с авторской задачей. Иногда комментарии повествователя неточно

отражают то настроение, с которым герой произносит ту или иную фразу. Например, предложение “*No, not a bit of it*”, начинающееся с отрицательной частицы ‘*not*’ подчеркивает резкость и едкость интонации персонажа, в переводе, однако, отрицание (отрицательное местоимение ‘*ничего*’) стоит не на первом месте (“*Об этом ничего и думать*”), что заметно уменьшает экспрессию высказывания.

Еще одним примером может послужить изменение модальности в речи героев. Так, один из главных персонажей, мистер Сквирс, часто использует разделительные вопросы в качестве просьбы (“*Now, Nickleby, come; tumble up, will you?*”), что делает его речь весьма категоричной (вежливая просьба – “*Will you get up?*”). Переводчик не только не переводит концовку ‘*will you?*’, например, с помощью междометия ‘а’, но еще и добавляет вежливую форму обращения (‘*tumble up, will you*’ / ‘*Поднимайтесь*’), что не соотносится с контекстом.

Таким образом, нельзя сказать, что Е.Л. Ланн полностью добился воплощения в своем переводе всех смысловых нюансов Ч. Диккенса, но, тем не менее, сохранил в определенной степени полифонию и идиостиль писателя.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Ленинград: Изд-во «Прибой», 1929. 244 с.
2. Dickens C. Life and Adventures of Nicholas Nickleby. London: Chapman and Hall, 1839. 624 p.
3. Диккенс Ч. Жизнь и приключения Николаса Никльби. Санкт-Петербург: Ленинградское издательство, 2011. 864 с.
4. Келдыш Ю.В. Музыкальная энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия. Советский композитор, 1973–1982, в 6 томах, 4 т. 6432 с.
5. Колобаев П.А. Повествовательная полифония и средства ее создания в русской литературе. Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. 25 с.
6. Полифония и полифонизм в литературе. Полифония / Электронный ресурс Интернет: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Полифония>.

И.В. Ляпин

**Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород**

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ МИРА ПРИРОДЫ
В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА
(на примере лексем *flood* (наводнение) и *storm* (буря))**

Настоящая статья посвящена рассмотрению и анализу концептуальных метафор, относящихся к миру природы, в английской и русской языковых картинах мира. В работе приводятся определения языковой картины мира, концептуальной метафоры и образной парадигмы. В статье также проводится сравнительно-сопоставительный анализ концептуальных метафор, содержащих компоненты *flood* (наводнение) и *storm* (буря) в английской и русской языковых картинах мира.

Ключевые слова: концептуальная метафора, образная парадигма, сравнительный анализ, языковая картина мира.

Ivan Lyapin

Nizhny Novgorod State Linguistics University

**Conceptual Metaphors of Natural World
in English and Russian Linguistic Worldviews
(Based on the Analysis of the Lexical Units ‘Flood’ and ‘Storm’)**

The article is devoted to the examination and analysis of conceptual metaphors related to natural world in English and Russian worldviews. The article gives the definition of language worldview, conceptual metaphor, and image paradigm. Also the article presents a comparative analysis of English and Russian conceptual metaphors, related to the target lexical units ‘flood’ and ‘storm’.

Key words: conceptual metaphor, image paradigm, comparative analysis, language worldview.

Вопросы, касающиеся образных парадигм и языковых картин мира, являются чрезвычайно актуальными в современной лингвистике. В данной работе ставится задача выявления образных мыслительных закономерностей, свойственных носителям русского и английского языков, с целью более глубокого понимания национально-культурных символов, стереотипов, менталитета и специфики коммуникативного поведения представителей рассматриваемых культур.

Поскольку данное исследование выполнено на стыке культурологии и когнитивной лингвистики, представляется необходимым выделить из категориального аппарата рассматриваемых наук несколько смежных основополагающих понятий. Прежде всего, это языковая картина мира, концептуальная метафора и образная парадигма.

Понятие «языковая картина мира» изучается лингвистами уже не один десяток лет. Согласно А.А. Джигоевой, языковая картина мира – «это исторически сложившаяся в сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке система представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [3. С. 10].

Каждый человек, принадлежащий к той или иной национальной культуре, обладает знаниями о мире, которые представлены через язык. Наиболее ярко процесс языкового воплощения знаний человека о мире проявляется в образных средствах языка, в семантике которых заложено уподобление различных объектов окружающей действительности по принципу аналогии. Поэтому особый интерес для настоящего исследования представляет понятие «концептуальная метафора».

Первыми концептуальную метафору описали Джордж Лакофф и Марк Джонсон в работе “*Metaphors We Live by*”. Основные тезисы, которые выдвигали исследователи, заключаются в том, что метафора — это не просто способ украшения речи, а один из основных инструментов познания, объяснения и структурирования окружающего мира. По мнению авторов, «суть метафоры заключается в понимании и переживании сущности (*thing*) одного вида в терминах сущности другого вида» [5. С. 7]. Посредством метафоры свойства одного объекта рассматриваются через свойства другого объекта, чьим именем он назван. Перенос понятий из одной сферы в другую – это не только проявление гибкости человеческого разума, но и необходимость для самого постижения действительности.

Концептуальная метафора, являясь универсальным орудием мышления и познания мира, входит в качестве отдельного компонента в более общее понятие «образная парадигма». Подробное описание данного явления впервые встречается в монографии Н.В. Павлович «Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке». Под образной парадигмой понимается «как сам инвариант, так и множество образов, в которых он реализуется» [8. С. 12]. Под инвариантом образа понимается «сложный смысл $X \rightarrow Y$, где X и Y – понятия, находящиеся в отношении противоречия, а стрелка показывает направление отождествления. При этом X и Y являются инвариантами лексических рядов» [8. С. 12]. Левый компонент образной парадигмы – обозначается (X) – принято также называть референтом. То, с чем происходит отождествление, т.е. правый компонент парадигмы, называется агентом. Понимание образного

языка во многом строится на восприятии реципиентом больших и малых парадигм. По мнению Н.В. Павлович, большие парадигмы представляют собой языковые универсалии, общие для словесного образного искусства разных культур. Например, вода → живое существо. В то время как малые парадигмы отражают специфику и своеобразие культур. Таким образом, изучение образных парадигм представляется весьма значимым, так как позволяет глубже понять язык в его динамике, получить наиболее полное представление о его своеобразии и образном потенциале.

В настоящей работе проводится сравнение существующих концептуальных метафор, содержащих лексему *flood* (наводнение) и *storm* (буря) в английской и русской языковых картинах мира на материале словаря *Oxford Advanced Learner's Dictionary*, «Современного толкового словаря русского языка» Т.Ф. Ефремовой, а также фрагментов *The British National Corpus* и «Национального корпуса русского языка». Рассматриваемые концептуальные метафоры являются составной частью образных парадигм с левым компонентом «стихийное бедствие».

В словаре *Oxford Advanced Learner's Dictionary* приведены следующие определения “flood”:

1. An overflow of a large amount of water beyond its normal limits, especially over what is normally dry land.

1.1. The Flood. The biblical flood brought by God upon the earth because of the wickedness of the human race (Gen. 6 ff.).

1.2. The inflow of the tide.

1.3. (literary) A river, stream, or sea.

2. An outpouring of tears.

2.1 An overwhelming quantity of things or people happening or appearing at the same time.

3. (short for) Floodlight [13].

В Современном Толковом Словаре Русского Языка Т.Ф. Ефремовой предлагаются следующие определения существительного «наводнение», которые являются показательными для русского языка:

1) затопление местности в результате подъема уровня воды в реке, озере или море, обычно являющееся стихийным бедствием;

2) (перен.) процесс действия по знач. глаг. наводнять – заполнять что-л. чересчур большим количеством кого-л., чего-л. [4].

Наводнение – деструктивное явление, катастрофа, которая разрушает все на своем пути, лишает людей крова и уносит жизни. Во вторичной номинации данного понятия присутствует негативная коннотация, и анализ переносных значений позволяет сформулировать метафорическую модель FLOOD IS EVIL / НАВОДНЕНИЕ – ЗЛО, которая является универсальной для рассматриваемых языков и входит в образную парадигму СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ → НЕСЧАСТЬЕ, что находит отражение в анализируемых корпусах:

«Молва утверждала, что Гудвину ничего не стоит ниспослать на поля огненный дождь или наводнить все дома крысами и жабами» [6].

“Mafia floods this country with cocaine” [11].

Анализ словарных дефиниций позволяет утверждать, что английское *flood* обладает гораздо большим образным потенциалом, и использование данной лексемы возможно не только в коллокации с единицами, обозначающими негативные явления. Например, как существительное, так и отыменной глагол могут сочетаться с лексическими единицами, обозначающими эмоции, как положительные, так и отрицательные.

“Awareness floods her, filling her with *a plethora of emotions*” [13].

“She came in from the kitchen and my body flooded with *relief*” [13].

В английском языке лексема *flood* сочетается с лексемой *light* и таким образом приобретает положительную коннотацию. Эта характеристика является алломорфной для английской лингвокультуры.

“*Sunlight* streamed in, *flooding* her room with a golden glow” [13].

“Despite the outside cold, *sunlight flooded* the interior and the heat became trapped” [13].

Кроме того, лексема *flood* обладает сочетаемостью со словами, обозначающими положительные, приятные чувства или ощущения: a flood of ecstasy; a flood of excitement; a flood of strength; a flood of joy; a reassuring flood of gladness, etc. [11].

Это дает основание выделить метафору FLOOD IS ENERGY / НАВОДНЕНИЕ – ЭНЕРГИЯ, при которой активизируется такой признак данного явления, как сила потока воды, заполняющего пространство. Рассматриваемая метафора, составной компонент образной парадигмы СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ → ЭНЕРГИЯ, является специфической для английской языковой картины мира.

Благодаря обширному образно-ассоциативному полю данного природного явления, лексема *flood* активно используется в структуре фразеологизмов и идиом, часто являясь компонентами концептуальной метафорической модели FLOOD IS PRIME / НАВОДНЕНИЕ (ПОЛОВОДЬЕ) – ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ. В данном случае активизируются положительные аспекты рассматриваемого явления. Представленную концептуальную метафору также можно рассматривать как репрезентатив парадигмы СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ → ВРЕМЯ ЖИЗНИ.

To be in full flood – быть в расцвете сил (When Joicey was in full flood, a new keeper made the mistake of challenging him [11].)

At the flood – в удобный (благоприятный) момент.

To take at the flood – использовать возможность [13].

В итоге можно констатировать, что, несмотря на общность семантической структуры номинаций *flood* и *наводнение*, английская лексема обладает большим образным потенциалом, поскольку происходит актуализация не только отрицательных, но и положительных характеристик данного природного явления. Великобритания всегда считалась морской державой, в том числе благодаря островному положению страны, поэтому вода для британской культуры – явление амбивалентное, несущее в себе как плохое, так и хорошее. Этим объясняется тот факт, что даже наименование природного катаклизма, связанного с разрушительной силой воды, в языке сопровождается положительными коннотациями.

Следующая рассматриваемая пара номинаций стихийного бедствия – *storm* / шторм (буря).

Слово *storm* является германским по происхождению, от прото-германского **sturmaz*. В древне-английском языке *storm* - “violent disturbance of the atmosphere, tempest; onrush, attack, tumult; disturbance” [12].

Первое употребление лексической единицы «шторм» в русском языке датируется концом XVII века. Слово было заимствовано из нидерландского *storm*. Однако в русском языке существует синонимичная лексема *буря*, которая является общеславянской по происхождению и, следовательно, имеет больший образный потенциал.

В современном словаре английского языка *Oxford Advanced Learner's Dictionary* приводятся следующие определения лексемы *storm*:

- very bad weather with strong winds and rain, and often thunder and lightning;

- (in compounds) very bad weather of the type mentioned (a thunderstorm/snowstorm/sandstorm);
- storm (of something) a situation in which a lot of people suddenly express very strong feelings about something;
- storm of something a sudden loud noise that is caused by emotion or excitement [13].

В «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой приводятся следующие определения понятия «буря»:

1. Сильный, разрушительный ветер, обычно вместе с дождем, градом или снегом.
2. (перен.) Явления, события, вызывающие глубокие потрясения в жизни общества.
3. (перен.) Сильные душевные переживания, волнения.
4. Чрезвычайно сильное, бурное проявление каких-л. чувств [4].

Проведенный анализ словарных дефиниций позволяет сформулировать несколько концептуальных метафорических моделей, универсальных для анализируемых языковых картин мира. В частности, STORM – RELEASE OF EMOTION:

This was reported in the newspapers and aroused *a storm of public criticism* [13].

They toured extensively, creating *a storm of enthusiasm* at packed venues and festivals across America, Canada, Europe and Australia [13].

В приведенных примерах коллокация осуществляется не только с негативными явлениями (*public criticism*), но и с положительными (*enthusiasm*). Это дает основания полагать, что в данной метафорической модели актуализируется сила и интенсивность рассматриваемого природного явления, при этом не ставится акцент на разрушительном характере этой силы.

В русском языке данная метафорическая модель актуализируется аналогичным образом:

С первых же дней работы комиссии, вокруг нее поднялась *буря страстей* [6].

В декабре, когда весь мировой футбол узнал о назначении Гвардиолы на пост главного тренера «Баварии», поднялась *буря критики* [6].

Приведенная метафорическая модель **STORM – RELEASE OF EMOTION** / БУРЯ – ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ является составным компонентом образной парадигмы **NATURAL DISASTER → RELEASE OF EMOTION** / СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ → ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ.

Для следующей концептуальной метафорической модели более важной является звуковая составляющая:

A storm of laughter arose and even the tiniest child joined in [11].

Patrick heard the roar and *the storm of applause* and guessed that his curiosity... [11].

...за исполнение популярного романса на несложную мелодию разразилась буря аплодисментов... [6].

Анализ приведенных примеров позволяет сформулировать концептуальную метафорическую модель **STORM – NOISE** / БУРЯ – ШУМ, которая является универсальной для рассматриваемых языков.

Помимо приведенных словарных дефиниций, английская лексема *storm* активно используется в составе фразеологизмов:

I'm cooking up a storm – but besides preparing all the food, I need to eat something, too [13].

Susan, despite her initial reservations, *danced up a storm* [13].

The film has already *gone down a storm* in America, where it became one of the best-reviewed movies of the year [13].

Согласно *Oxford Advanced Learner's Dictionary* приведенные фразовые сочетания объясняются следующим образом:

Up a storm – perform the specified action with great enthusiasm and energy [13].

Go down a storm – be enthusiastically received by an audience [13].

Анализ данных словарных статей позволяет сформулировать концептуальную метафорическую модель **STORM – ENTHUSIASM**, которая является алломорфной для английской языковой картины мира. Данная модель выступает репрезентативом образной парадигмы **NATURAL DISASTER – EMOTION**.

Таким образом, в английском и русском языках при переносном употреблении номинаций стихийных бедствий *flood* (наводнение) и *storm* (буря) актуализируются различные аспекты данных явлений. Проведенный

анализ позволил обнаружить универсальные образные парадигмы в рассматриваемых языках, внутри которых, однако, выявляются как универсальные, так и этноспецифические метафорические модели, которые актуализируют географические, природные и исторические факторы, типичные для сопоставляемых лингвокультур.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–33.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
3. Джигоева А. А. Английская номинативность и картина мира. RuScience Москва, 2016. 206 с.
4. Ефремова Т.Ф. Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный: около 20 000 слов, около 1200 словообразовательных единиц. М.: АСТ, 2010. 699 с.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. ЛКИ, 2008. 256 с.
6. Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.10.2018).
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / РАН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М.: Азъ, 1992. 955 с.
8. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: URSS, 2004. 457 с.
9. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы 18–20 вв. М.: Эдиториал УРСС 2007. 896с.
10. Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 307–342.
11. British National Corpus // Электронный ресурс Интернет: <https://corpus.byu.edu/bnc/>.
12. Online Etymology Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <https://www.etymonline.com/>.
13. Oxford Online English Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/>.

Л.А. Прудникова
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ АНГЛИЙСКИХ БАСКЕТБОЛЬНЫХ ПРОЗВИЩ

Спорт является одной из сфер человеческой жизни, в которой использование прозвищ наиболее актуально. В настоящей статье рассматриваются лингвистические особенности английских баскетбольных прозвищ, построенных по принципу вторичной номинации.

Ключевые слова: антропонимика, вторичная номинация, прозвище, стилистические средства выразительности.

Ludmila Prudnikova
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Secondary Nomination as a Means of Creating English Basketball Nicknames

Sport is one of those spheres of human life that is most inevitably associated with the use of nicknames. The article focuses on the linguistic peculiarities of basketball players nicknames in English, that are created following the principles of secondary nomination.

Key words: anthroponymy, secondary nomination, nicknames, stylistic devices.

Расширение межкультурных и межнациональных связей на фоне возрастающей популярности мирового спорта проявляется в увеличении количества соревнований и чемпионатов глобального масштаба, что ведет к проникновению спортивной терминологии и лексики английского языка в языковую и культурную среду других государств. Одним из иноязычных компонентов такого рода, используемым во всем мире без перевода являются наименования спортсменов, в особенности неофициальные (прозвища). Особая выразительность и экспрессивное значение, заложенное в прозвищах, являются основными причинами их активного использования.

Неформальный стиль общения сближает спортивных фанатов, стимулирует их на продолжение коммуникации, даже если они принадлежат к разным национальностям и разговаривают на разных языках. Упоминание прозвищ добавляет спортивным мероприятиям зрелищности и увлекательности,

а отчетам о них в прессе и на телевидении образности, метафоричности. Однако не все прозвища одинаково легки для восприятия: в то время как наименования, построенные по принципу сокращения имени спортсмена или добавления к нему слова-определителя не вызывают особых затруднений, прозвища переносного характера могут интерпретироваться с трудом.

Образование прозвищ по принципу вторичной номинации осуществляется на основании выбора лексической единицы для характеристики именуемого лица из другого семантического плана. Такие никнеймы составляют самую разнообразную группу спортивных прозвищ. Они могут отличаться достаточно сложной структурой, включающей несколько компонентов. Один из них, как правило, является центральным, несущим основное значение, в то время как другие указывают на сопутствующие характеристики, такие как национальность, место происхождения, рост или расовая принадлежность.

В рамках проводимого исследования, посвященного изучению структурно-семантических особенностей английских баскетбольных прозвищ при рассмотрении вторичной номинации как средства их создания было установлено, что доминирующий компонент одних прозвищ может указывать на физические данные спортсмена, особенности ведения игры и поведения на площадке, в то время как другие никнеймы представляют собой перенос в спортивную среду прозвищ из повседневной жизни. Таким образом, номинативные единицы данного класса могут быть разделены на две группы: относящиеся и не относящиеся непосредственно к баскетболу. Именно вторая группа представляет наибольший интерес, поскольку требует большого количества фоновых знаний для полноценного адекватного восприятия.

В частности, фрагменты биографии и привычки спортсменов представляют собой область особого интереса болельщиков. Помимо подробностей спортивной карьеры игроков, фанаты хотят знать все и об их повседневной жизни. Прозвища, характеризующиеся биографической смысловой составляющей, раскрывают особенности образа жизни спортсменов, их предпочтения, тем самым приближая болельщиков к игрокам любимой команды, что объясняет их популярность и частотность.

В первую очередь можно выделить прозвища атлетов, завоевавших мировое признание и популярность своим талантом. Особый статус этих игроков может быть выражен с помощью разных лексико-стилистических средств. Чаще всего встречаются эпитеты: Toni Kukoč → The **Croatian Sensation**; Mike Dunleavy → Mr **Incredible**; Jeff Green → Mr **Perfect**; или метафоры: Hakeem Olajuwon → The Dream; Milt Palacio → Miracle; Earvin Johnson → Magic; Dwight Howard → Black Magic; Steve Nash → Captain Canada.

О смысле перечисленных прозвищ несложно догадаться, однако, среди наименований, построенных по принципу вторичной номинации, встречаются и более интересные примеры. Так, Брайнта Ривза / *Bryant Reeves* именуют **Big Country** не только за его спортивные достижения, но и за решение выступать за команду США, а не родной для него Канады. Пола Пирса / *Paul Pierce* называют **The Truth** за его справедливое отношение к происходящему и в игре, и в жизни, а Эйвери Джонсон / *Avery Johnson* получил прозвище **Little General** за невысокий для баскетболиста рост (всего 178 см) и лидерские качества, гарантировавшие уважительное отношение со стороны товарищей по команде, болельщиков и журналистов. Кевин Гарнетт / *Kevin Garnett* был наделен прозвищем **The Big Ticket**, т.к. тысячи людей были готовы покупать билеты на матч исключительно ради того, чтобы посмотреть на его игру.

Интересна история возникновения одного из прозвищ Гилберта Аринаса / *Gilbert Arenas* и Ченнинга Фрайя / *Channing Frye*. Эти спортсмены не стали дожидаться реакции болельщиков и комментаторов, а придумали их сами. Гилберт Аринас / *Gilbert Arenas* взял себе никнейм **Black President**, намекая на свою способность контролировать происходящее на площадке, а Ченнинг Фрай / *Channing Frye*, рассказывая о своих многочисленных талантах, назвал себя **Buffet of Goodness**, что и стало в последствие его прозвищем.

Баскетбол – опасный вид спорта, связанный с постоянным риском получить травму. Для болельщиков это сопряжено с яркими эмоциями и напряжением, а вот сами игроки, прибегая к опасным и жестоким приемам, ставят под угрозу здоровье, свое и соперников. Такие черты характера как вспыльчивость и несдержанность нередко проявляются на игровой площадке и существует достаточное количество прозвищ, отражающих их.

Горячий темперамент Винни Джонсона / *Vinnie Johnson* передается через метафоричное сопоставление спортсмена с микроволновой печью (**The Microwave**), которая быстро разогревается до самых высоких температур, а порой нечестные и откровенно враждебные методы Билла Лэймбира / *Bill Laimbeer* привели к возникновению никнейма **The Prince of Darkness**, косвенно указывающего на его коварство.

Баскетболисты Дирк Новицки / *Dirk Nowitzki* и Демар Дерозан / *DeMar DeRozan* соотносятся с боеприпасами, которые несут разрушение и хаос (**The Blonde Bomber** и **Kid Dynamite** соответственно), а в прозвище **Chocolate Thunder** находит свое отражение агрессивная манера игры Дэррилла Доукинса / *Darryl Dawkins*, который, как гром среди ясного неба, врывается в игру и мчится к цели, сметая все на своем пути. Подобный смысл заложен и в никнейме спортсменов испанского происхождения *Jorge Garbajosa*, *Jose Calderon*, которые сравниваются с сокрушительной силой испанской армады (**The Spanish Armada**).

Агрессия баскетболистов на площадке чаще всего выражается через никнеймы, ведущими компонентами которых становятся названия опасных видов животных, перенесенные на людей. Яркими примерами таких прозвищ являются наименования следующих спортсменов: Pau Gasol → *Grizzly Man*; Kobe Bryant → *Black Mamba*; Brian Scalabrine → *White Mamba*; John Salley → *Spider*; Andrea Bargnani → *The Italian Stallion*.

Одним из самых частотных ведущих компонентов прозвищ данного типа является слово “*dog*” и различные его вариации: Big Dog (Geleenn Robinson); Mad Dog (Mark Madsen); Junkyard Dog (Jerome Williams); British Bulldog (Pops Mensah-Bonsu); Pit Bull (Mike James).

Однако, при детальном рассмотрении, выяснилось, что элемент “*dog*” не всегда означает агрессию. В случае с Энтони Карром / *Antoine Carr* прозвище *Big Dog* говорит не об агрессии со стороны спортсмена, а о факте из его детства. Энтони и его семья жили в опасном районе, поэтому отец подарил ему ротвейлера, с которым будущий баскетболист гулял по округе, что и положило начало его никнейму. Аналогично, Куттино Мобли / *Cuttino Mobley*, именуемый *The Cat*, не отличается ловкостью и гибкостью, зато всем известно, что в детстве любимой книгой атлета была сказка “*The Cat in the Hat*”. Эти и ряд других прозвищ, не связанных с баскетболом, сообщают болельщикам и зрителям факты о детстве спортсменов.

Многие прозвища сохраняют в своей основе реальные наименования из детства спортсменов. Анферни Хардауэя / *Anfernee Hardaway*, например, растила бабушка и ласково называла его “*pretty*”. Но из-за специфического южного произношения “*pretty*” больше было похоже на “*Penny*”, что и стало прозвищем баскетболиста. Денниса Родмана / *Dennis Rodman* назвала “*the Worm*” его мама за ерзанье и вертлявость тогда еще маленького Дэниса в процессе игры в “Пинболл”. А мама Итэна Томаса / *Ethan Thomas* с детства привила сыну любовь к литературе. В школьные годы Итэн не раз участвовал в конкурсах чтецов, сочиняет сам и даже имеет собственный опубликованный сборник. Совсем неудивительно, что даже в баскетболе его называют “*The Poet*”. Подобным образом получил свое прозвище и Дэсмонд Мэйсон / *Desmond Mason* → *The Artist*, который с детства был большим любителем искусства, в частности живописи, что стало причиной возникновения такого никнейма.

Список любопытных прозвищ, несвязанных с баскетболом, продолжают никнеймы, указывающие на гастрономические предпочтения атлетов. Ник Янг / *Nick Young*, в частности, получил прозвище *Bean Burrito* за любовь к этому блюду. Ламара Одома / *Lamar Odom*, не представляющего своей жизни без сладкого, прозвали *The Candy Man*, а По Газоль / *Pau Gasol*, известный как *The Meal Ticket*, обеспечивал едой за счет спонсоров всю команду в случае победы. Любителя плотно перекусить Джэрома Джэймса / *Jerome James* именуют *Big*

Snacks, что указывает не только на отношение спортсмена к еде, но и на прямые последствия размеров его порций (129 кг веса).

Уникальные особенности внешнего вида баскетболистов нередко становятся причиной возникновения новых прозвищ. Марцин Гортат / *Marcin Gortat*, среди прочих имеет прозвище *The Polish Hammer*, причиной возникновения которого стало тату на предплечье с изображением молота, а татуировка *Black Jesus* на шее Амаре Стадемайра / *Amar'e Stoudemire* послужила поводом образования для него аналогичного прозвища. Оба они построены по принципу метонимического переноса. Стив Нэш / *Steve Nash*, известный как *Captain Canada* и *Air Canada*, также обладает еще одним никнеймом, связанным с его внешностью. В течение определенного времени он носил длинные волосы, на основе чего появилось прозвище *Hair Canada*, затронувшее еще и место рождения спортсмена. А вот прозвище *The Big Cactus* Шакил О'Нил / *Shaquille O'Neal* получил за свитер с изображением такого растения.

Рассмотренные особенности образования английских прозвищ представляют интерес как с чисто лингвистических позиций – вносят вклад в развитие теории антропонимики – так и с практической точки зрения – позволяют сделать заключение о том, какие именно характеристики в первую очередь привлекают внимание английских болельщиков.

Источник иллюстративного материала

1. Прозвища игроков национальной баскетбольной лиги // Электронный ресурс Интернет: <https://www.revolvy.com/main/index.php?s=List+of+nicknames+used+in+basketball>.

Г.Х. Сунагатуллина
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

СТРАТЕГИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК СПОСОБ ГАРМОНИЗАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
(на материале американских политических интервью)

В статье рассматривается коммуникативная категория толерантности, ее роль и место в современной политической коммуникации. Автор анализирует стратегии толерантности в англоязычных политических интервью, которые объективируют основные черты американской лингвокультуры.

Ключевые слова: гармонизация, интервью, политическая коммуникация, стратегии, тактики, толерантность.

Guzel Sunagatullina
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Tolerance Strategies as Means of Harmonization of Political Communication
(on the Basis of American Political Interviews)

The article is devoted to the research of communicative category of tolerance and its role and place in the modern political communication. The author analyzes tolerance strategies in English political interviews and correlates the results with American linguoculture.

Key words: harmonization, interview, political communication, strategies, tactics, tolerance.

Сегодня все больше лингвистов проводят исследования на стыке двух и более дисциплин, что объясняется такой чертой современной лингвистической парадигмы как экспансионизм. В условиях современной действительности одним из наиболее перспективных направлений является изучение коммуникации в рамках политической лингвистики. Первые серьезные работы на тему политической коммуникации появились еще в середине прошлого века, тогда и возник сам термин. Однако исследования на данную тему не теряют своей релевантности, поскольку наука не стоит на месте и неизбежно отражает изменения, происходящие в политической сфере; как следствие, меняется и политическая коммуникация.

Ученые по-разному определяют понятие политической коммуникации. Наиболее полным считается определение французского политолога

Р.Ж. Шварценберга. Согласно французскому ученому, политическая коммуникация – это «процесс передачи политической информации, в рамках которого происходит циркуляция информации между различными элементами политической системы, а также между непосредственно политической и социальными системами» [6. С. 174]. Коммуникация в политике представляет собой средство влияния на аудиторию, способ управления информацией. Политическая коммуникация – это инструмент, функция которого – борьба за власть [4].

Для проводимого исследования особый интерес представляет такая форма политической коммуникации как политическое интервью. Политическое интервью не только служит источником информации, но и позволяет раскрыть личностные характеристики политического деятеля. А.К. Михальская определяет политическое интервью как «высококонтрастный (социально «условный») публичный речевой жанр с жестким распределением речевых ролей непосредственных участников, в котором журналист раскрывает, или стремится раскрыть, значимые для общества черты политика, в том числе и «опасные», тогда как последний, отвечая на вопросы журналиста, стремится убедить общество в своей «востребованности» [1. С. 68]. Политическое интервью, являясь диалогичным жанром, вместе с тем имеет несколько антропоцентриков – интервьюер, интервьюируемый, аудитория. Несмотря на то, что аудитория, как правило, не участвует в интервью напрямую, она оказывает значительное влияние на ход беседы, поскольку является главным адресатом данной формы коммуникации. Для интервьюера важно, чтобы интервью было интересно аудитории. Политик же, прежде всего, стремится показать себя в выгодном свете, убедить реципиента в своей значимости и склонить его на «свою сторону». Если участники коммуникации стремятся к тому, чтобы общение прошло успешно и бесконфликтно, то они стараются выстраивать коммуникацию в соответствии с принципом кооперации. Следуя данному принципу, коммуниканты используют стратегии и тактики, направленные на гармонизацию общения. Гармонизация может выражаться с помощью различных кооперативных коммуникативных категорий, наиболее эффективной из которых является категория толерантности.

Феномен толерантности – сравнительно новое явление для русскоязычного исследовательского сообщества. Тем не менее, понятие толерантности становится все более популярным, что, по всей видимости, связано с курсом на демократизацию общества. По мнению Й. Подгорецкого, толерантность «стала своеобразным ключевым словом нашего времени» [2. С. 24]. Вместе с тем, понятие толерантности нередко вызывает отторжение в русскоязычной среде. Прежде всего, это связано с тем, что в русскоязычных источниках толерантность, как правило, толкуется через призму понятия

терпимости [3. С. 680], которое имеет негативный оттенок. Англоязычные же источники подразумевают под толерантностью *принятие* индивидом существования иных убеждений, взглядов и позиций, не критикуя и не осуждая их [8], т.е. уважение к иному. Таким образом, актуальность исследования обусловлена возрастающей значимостью понятия толерантности в политике как выигрышного средства достижения целей. Материалом для работы послужили тексты интервью с американскими политическими деятелями. Толерантность является одной из главных категорий для американской лингвокультуры, поскольку отражает такие важные для американского общества ценности, как свобода и демократия.

В политике толерантность играет ключевую роль, поскольку определяет профессионализм политического деятеля, его умение вести конструктивную беседу с оппонентом, способность слышать другие точки зрения и находить компромисс. Вместе с тем, политическая коммуникативная специфика сказывается на способах репрезентации категории толерантности, вследствие чего данная коммуникативная категория иногда приобретает манипулятивный характер (например, использование двусмысленных выражений) [5. С. 9].

В политическом общении категория толерантности позволяет собеседникам гармонично нивелировать возникающие разногласия, используя соответствующие стратегии и тактики. В рамках настоящей статьи будут рассмотрены следующие стратегии толерантности – стратегия благожелательности и стратегия недосказанности.

Стратегия благожелательности направлена на поддержание благоприятного коммуникативного тона беседы и общей положительной коммуникативной установки. Стратегия благожелательности может выражаться посредством перечисленных ниже тактик, однако не ограничивается ими:

1. Тактика снижения категоричности.

Martin: <...> Is that when you started to understand you were missing something important about the country, in that moment?

*Clinton: <...> I talked about it, but I didn't really convey the emotional resonance that would have **maybe** made it possible for somebody to say, "Yeah, you know, **maybe** that one sentence she said was taken out of context because look at what she's done and look at what she says she will do" [7].*

Как видно из приведенного выше примера, Хилари Клинтон стремится снизить категоричность своих слов при помощи модального оператора вероятности. Так она подчеркивает, что сказанное является лишь ее предположением, и не претендует на истинность.

Inskip: What do you make of the reductions at the State Department?

*Ryan: <...> I **think** that's **probably pretty** helpful [11].*

В данном фрагменте интервьюируемый использует не только предикат пропозициональной установки в сочетании с личным местоимением *I*, но и два наречия, снижающих степень интенсивности его высказывания *probably* и *pretty*. Возможно, у политика есть некоторые сомнения по поводу темы обсуждения, но, продолжая беседу в толерантной тональности, он положительно отзывается о происходящем. При этом политик отмечает, что выражает лишь свое мнение, которое, в свою очередь, может отличаться от реального положения дел.

2. Тактика сожаления.

Todd: So you know it exists?

*Newman: And I know it exists. And, what I **regret** is that these people are **probably** trying to leverage it as this October surprise and I don't want to be a part of that [9].*

В представленном выше примере коммуникант использует лексику сожаления *regret*, подчеркивая, что данная ситуация ее действительно расстраивает. Более того, интервьюируемый также обращается к тактике снижения категоричности, используя лексику вероятности. Как следствие, политику удастся снизить ультимативность своего высказывания и избежать потенциального конфликта с упоминаемыми людьми.

3. Тактика возражения под видом согласия.

Todd: That's complicit? Was that complicit, Omarosa?

*Newman: Oh, **totally** complicit. In fact, I had a blind spot where it came to Donald Trump. **But** now I think it's important that, as we are celebrating – well, actually observing – the anniversary of Charlottesville, that he has an opportunity actually to bring the country together <...>[9].*

В анализируемом фрагменте политик демонстративно соглашается с интервьюером, употребляя наречие степени *totally* для усиления своего ответа. Однако затем она вводит новую мысль с помощью разделительного союза *but*, что практически сводит на нет сказанное ранее. Так, автор высказывания снимает с себя ответственность за негативные аспекты произошедшего, направляя внимание публики на плюсы сложившейся ситуации.

Стратегия недосказанности реализуется говорящим посредством предоставления информации, которая имеет множество интерпретаций. Стратегия недосказанности строится на информационной лакунарности сообщения. Говорящий таким образом исключает возможность возникновения потенциальных конфликтных ситуаций с аудиторией. Нередко к данной стратегии обращаются, говоря о серьезных и, порой, неоднозначных проблемах. Данная стратегия может быть реализована с помощью следующих тактик:

1. Тактика неопределенной референции.

Todd: <...> This was not a good week legally for the president.

*Cardenas: Here's the thing that's an indicator that's troubling. <...> Some people tell me, "Well, **those** are selfish actions and **those** were horrible and **they're** paying a legal price for it <...>" [10].*

Политический деятель строит свое высказывания при помощи слов неопределенной семантики, что позволяет ему процитировать критическое сообщение на тему нынешней политической ситуации, не называя конкретных имен его авторов, и тем самым, избегая негативной реакции аудитории. Это полностью соответствует толерантному принципу плюралистичности.

2. Тактика множественных интерпретаций

Todd: Back now with end game and those kids at the border <...>.

*Cardenas: <...> Most of these children had relatives here, mostly **undocumented** [10].*

В рассматриваемом фрагменте речь идет о проблеме иммиграции, обсуждение которой всегда изобилует эвфемизмами. В представленном выше примере политик использует описательное прилагательное *undocumented* вместо прилагательного *illegal*. Прилагательное *undocumented* описывает этот вопрос как бюрократическую правительственную проблему, затрагивающую обычных иммигрантов, тогда как *illegal* подчеркивает проблему, связанную с нарушением иностранными гражданами правопорядка. Выбирая эвфемистичную номинацию *undocumented*, политик демонстрирует свое толерантное отношение к иммигрантам, его слова выглядят нейтрально, не вызывая отрицательной реакции со стороны собеседника и аудитории.

Проведенный анализ американских политических интервью позволяет сделать определенные выводы. Прежде всего, американские политики открыты к общению и, как правило, ориентированы на коммуникативное

сотрудничество. Политики дают развернутые ответы, объясняя свою позицию по тому или иному вопросу. Довольно часто в репликах встречается местоимение первого лица единственного числа, которое отражает такую американскую национальную черту как индивидуализм (*individualism*). Так, политики подчеркивают, что несут ответственность лишь за себя и свои слова. В исследуемых интервью частотны лексемы, снижающие категоричность высказывания, что говорит о стремлении интервьюируемого не делать поспешных выводов, с целью сохранения лица оппонента. Более того, стараясь поддержать толерантный ход коммуникации, американские политики редко называют обсуждаемых в беседе людей по имени. Чаще всего они выбирают слова неопределенной семантики, позволяющие сохранить анонимность третьих лиц, что говорит о присущем американской национальной культуре уважении к личным границам (*privacy*). Таким образом, коммуникативная категория толерантности является одним из ключевых способов гармонизации общения в англоязычных политических интервью.

Библиографический список

1. Михальская А.К. Полевая структура политического дискурса: метод анализа и описания речевого поведения политика в политическом интервью // Журналистика в 1999 г. Тезисы докладов Межд. науч.-практ. конференции. М.: МГУ, 2000. Ч.5. С. 28–70.
2. Подгорецкий Й. Толерантность: понятие и концепция // Вестник ТГПУ. Сер. Гуманитарные науки. 2004. №2 (39). С. 24–31.
3. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.
4. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: Учебное пособие. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2009. 292 с.
5. Шаповалова Т.А. Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 23 с.
6. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: в 3 ч. Ч. 1. М.: Российская академия управления, 1992. 180 с.
7. Hillary Clinton's Full Interview With NPR's Rachel Martin // Электронный ресурс Интернет: <https://www.npr.org/2017/09/12/549430064/transcript-hillary-clinton-s-full-interview-with-npr-s-rachel-martin>.
8. Macmillan Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/american/tolerance>.
9. Meet the Press with Chuck Todd // Электронный ресурс Интернет: <https://www.nbcnews.com/meet-the-press/meet-press-august-12-2018-n899996>.
10. Meet the Press with Chuck Todd // Электронный ресурс Интернет: <https://www.nbcnews.com/meet-the-press/meet-press-june-17-2018-n884041>.
11. Paul Ryan's Full Interview With NPR's Steve Inskeep // Электронный ресурс Интернет: <https://www.npr.org/2017/12/01/567012522/transcript-paul-ryans-full-interview-with-nprs-steve-inskeep>.

А.Н. Цветков

**Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород**

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОГОВ

В статье предлагается обзор исследования проявлений гендерных различий в дискурсе английских политических блогов. Описываются различия на морфологическом и синтаксическом уровнях.

Ключевые слова: гендер, гендерная асимметрия, гендерные стереотипы, гендерная лингвистика, социальные роли.

Alexander Tsvetkov

Nizhny Novgorod State Linguistics University

Means of Representation of Gender Differences in the Discourse of English Political Blogs

The article offers an overview of the study of manifestations of gender differences in the discourse of British political blogs. The study focuses on the differences on the morphological and syntactic levels.

Key words: gender, gender asymmetry, gender stereotypes, gender linguistics, social roles.

Современная лингвистика характеризуется антропоцентрической направленностью. Человек находится в центре внимания лингвистических исследований, внимание которых обращено на использование языка как средства общения, инструмента хранения и передачи информации. Важным направлением антропоцентрического изучения языка является гендерная лингвистика, изучающая взаимодействие языка и гендера. Гендер понимается как параметр социальной идентичности личности. Лингвистика исследует, какое выражение находит гендер в языке и как он конструируется в речи.

Джон Мони в 1955 году сформулировал понятие «гендерная роль» [9]. Термином гендерная роль обозначается совокупность действий и реакций, которые характеризуют человека как мужчину или женщину в определённом обществе. В современной лингвистике гендер рассматривается как конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре [1]. Определить специфические отличия мужской и женской речи непросто. Часто на них оказывают влияние образование и ситуация общения, а также

факторы социального контекста, в котором находится говорящий, поэтому чёткое разграничение между ними провести трудно. Также гендер может иметь неодинаковые значения в различных культурах [5].

Британские социологи Эдвин и Ширли Арденер выдвинули теорию «безгласных» общественных групп. По их мнению, женщины являются «безгласной», подавляемой группой и вынуждены пользоваться языком, созданным мужчинами для выражения своих мыслей. Эта теория была с энтузиазмом принята феминистками, которые дополнили и развили её, используя для борьбы с патриархальным порядком. Дейл Спендер написала книгу «Мужчина создал язык», основная цель которой – разоблачение мужского доминирования в языке. По её мнению, мужчины контролируют значения слов, таким образом навязывая мужское видение мира. Спендер утверждает, что патриархальны не только значения слов, но и вся базовая система интерпретации понятий. Она также заявила, что на создание значения и формы новых слов больше влияет не объективная природа понятия, а субъективное мнение того, кто именуется это понятие [10].

Теория доминантности мужского языка подвергается справедливой критике. В некоторых обществах женщины занимают равное и главенствующее положение, при этом сохраняется различие в мужском и женском языках, поэтому теория мужской доминантности не может рассматриваться, как универсальное объяснение различий в мужском и женском языке.

Дж. Гамперц, исследовав общение представителей иммигрантов с британскими чиновниками, выдвинул тезис, что люди, принадлежащие к одной социальной среде, вырабатывают свойственный им стиль общения. При коммуникации представителей разных групп часто возникают трудности общения и непонимание. Мужской и женский языки также могут рассматриваться в рамках теории общения двух культур. В детстве у мужчин и женщин вырабатываются разные модели общения и это происходит в результате гендерной сегрегации. Теория двух культур была разработана Деборой Таннен. По мнению Деборы Таннен, различия между женским и мужским стилями общения следующие: женщины склонны делиться проблемами, обращаться за помощью, ценят сочувствие, помощь и поддержку. Коммуникативное поведение не иерархично, в то время как мужчины предпочитают держать свои проблемы при себе, не склонны просить о помощи, предпочитают роль эксперта. Мужское коммуникативное поведение иерархично. Из-за этих различий может происходить недопонимание при общении между мужчинами и женщинами [11].

С. Гал настаивает, что такие категории как женская речь, мужская речь, престижная и властная речь — это не просто отражения заданной раз и навсегда индивидуальности говорящих. Индивидуальность говорящего

варьируется в зависимости от ситуации общения и состава говорящих, и речь меняется соответственно. По её мнению, такие категории как женственность и мужественность социально конструируются внутри социальных групп, они меняются с течением истории и систематически связаны с другими областями культурного дискурса, такими как природа человека, сущность власти или общепринятые моральные нормы [7]. Т. Джонсон также не рассматривает мужской и женский язык, как бинарные оппозиции и воспринимает их скорее как взаимодополняющие сущности. Такой диалектичный взгляд на гендерные отношения предполагает, что мужское и женское начало никогда не будет самодостаточным само по себе. Они могут существовать только вместе. С. Миллз подходит к вопросу языка и гендера более радикально. Она также выступает против рассмотрения мужского и женского языка как бинарных оппозиций. По её мнению, люди способны использовать разные лингвистические гендерные личности, когда им это требуется. А общество разделяет те или иные стили речи на женские и мужские. С. Миллз рассматривает гендерную идентичность, как «конструируемую каждый раз по-другому в каждой новой ситуации» [8].

Исследование языка и гендера в интернет-дискурсе представляется актуальным в связи с той ролью, которую играет интернет-коммуникация на современном этапе. Сообщения, размещаемые в сети интернет, отражают общественные трансформации, смену культурных ценностей и ориентиров. В этой связи они представляют собой эмпирическую базу, анализ которой позволяет выявить гендерные особенности, характерные для общества в определенный исторический период. Политические блоги относятся к таким дискурсивным сферам, которые адресованы и мужской и женской аудитории.

Блоги – это публично доступные вебсайты, имеющие, как правило, одного автора (хотя существуют и коллективные блоги) и организованные в обратном хронологическом порядке. По сути, блог – это персональный дневник автора, в котором он выражает свои мысли и переживания. В настоящее время блоги – один из самых актуальных типов социальных медиа. Диалогичность блогов предопределена тем, что они пишутся с целью получить отклик от читателей, вызвать диалог. Субъязык, используемый в блогах, является синтезом устной и письменной речи. Больше всего он похож на стиль газетной публицистики, однако субъязык блогов более личный и неформальный. Из устной речи язык блогов позаимствовал неполные и прерванные конструкции, использование сленга и просторечной лексики, использование «неточных» обстоятельств, таких как *in time, soon, later, in a minute* и т.д. Однако неформальность блогов и черты устной речи варьируются в блогах в зависимости от жанра и от образованности автора.

Представляется интересным проследить, как происходит конструирование гендера в таком типе интернет-дискурса, и какие тенденции, свойственные современному обществу, он отражает.

В ходе исследования было проанализировано пять мужских и пять женских блогов, имеющих общую политическую тематику. Материал был отобран методом сплошной выборки из сообщений политических блогов за период 2017–2018 гг. Общий объем эмпирической базы составил 60 фрагментов. Были проанализированы 30 сообщений из пяти мужских и 30 сообщений из пяти женских блогов. Все блоги имеют общую политическую тематику, но авторы придерживаются разных политических взглядов.

На уровне лексики можно проследить явные различия мужской и женской речи. В женском тексте использовано больше оценочных прилагательных (*excellent, beneficial, efficient, competent, agreeable*) (в текстах женщин: 35, в текстах мужчин: 17) Также более частотны прилагательные в превосходной степени: “*International agreement to tackle climate change, where those responsible make the deepest cuts first and developing countries are supported to grow in a local carbon way*” (*Sluggertool.com*).

В женских блогах можно отметить более частое употребление в речи модальных глаголов в прошедшем времени. В мужских блогах превалирует глагол *can*, выражающий реальную возможность, а в женских – глаголы, обозначающие вероятность выполнения действия (*could, may*). В женском тексте чаще используются междометия, интенсификаторы, что указывает на повышенную эмоциональность. “*Aaagghhh... Twitter not working and it's #askthechancellors time!*” (*Talkcarswell.com*). (в текстах женщин: 15, в мужских текстах: 6) В мужском тексте обнаруживается больше абстрактных существительных, таких как *fortune, admiration, beauty, courage* и т. д. (в текстах женщин: 15, в мужских: 29) Также чаще встречаются слова официально-делового стиля, обозначающие конкретные предметы. Ни в женском, ни в мужском языке практически не представлен сленг. По-видимому, это связано с серьёзностью политического дискурса. В женском тексте обнаруживается более частое присутствие диффузных слов и выражений, особенно частотна типичная диффузная конструкция “*I think*”. В мужском тексте эта фраза используется меньше (в женских текстах: 37, в мужских: 10).

Подтвердилось и то, что женщины употребляют больше личных местоимений *I* и *You* (в женских текстах они встречаются 93, 68 раз, в мужских 46, 15 соответственно), что может свидетельствовать о большей концентрации женщин блоггеров на собственной личности и на личности собеседника. Количество местоимений *we* и *they* примерно одинаково. И в мужском и в женском тексте количество местоимений *he* (мужской текст: 45, женский: 41) преобладает над количеством местоимений *she* (мужской текст: 14, женский:

15). Это может быть связано с тем, что тематика исследуемых блогов — политическая, а большинство политиков — мужчины. Поэтому при обсуждении политических событий больше используется местоимение *he*.

Для мужчин характерна более высокая степень референциальной отнесённости. Они излагают фактическую информацию чаще, чем женщины. Однако, аббревиатуры используются примерно одинаково. Женщины-блогеры значительно чаще использовали слово *woman* в своих текстах (встречается 15 раз). В анализируемых текстах мужчин это слово не было применено ни разу. Можно сделать предположение, что женщины-политические блогеры больше интересуются политиками-женщинами, чем мужчины-блогеры. Слова *man*, *person* и *human* употребляются и мужчинами, и женщинами примерно с одинаковой частотой. В женских блогах слово *woman* употребляется в следующих словосочетаниях: “*white woman*”, “*woman president*”. Гендерно-нейтральный язык в исследуемых блогах практически не встречается. Данные политические блогеры в своих интернет-дневниках обращаются к широким слоям населения. Если бы они использовали гендерно-нейтральный язык, это не вызвало бы понимания и одобрения среди большинства их читателей. К проявлениям гендерно-нейтрального языка можно отнести использование в женском блоге лексемы *spokesperson* вместо традиционного *spokesman*. Однако слова, в которые входит корень *man* гораздо более частотные и в мужских и в женских блогах. Местоимение *they* используется в традиционной функции — для замены существительных во множественном числе.

В мужских текстах чаще используется будущее время, а в женских — прошедшее. Мужчины более склонны к проявлению отрицательных эмоций. Количество отрицательных предложений в мужском тексте велико, (в мужских текстах 35, в женских 21) что указывает на большую склонность к категоричности суждений: в женском тексте гораздо больше восклицательных предложений, выражающих эмоции (женский текст 19, мужской 3). Количество вопросительных предложений больше в женских блогах (женский текст 29, мужской 18). Широкое использование экспрессивных конструкций с *how* и *what* указывает на более высокий уровень эмоциональности в женском тексте. “*It's a shame the Guardian piece doesn't elaborate on quite what a battle it was*” (*Kerrymccarthy.wordpress.com*). Более распространены в женском тексте эллиптические и инвертированные конструкции. В мужских текстах встречается транспозиция глагольных форм. Их функция — выражение эмпазы. Женщины-авторы используют многоточие для создания эмпатических пауз: “*OK, someone is having a laugh...*”, “*I am a Labour MP. Ergo...*” (*Kerrymccarthy.wordpress.com*)

Следует признать, что в дискурсе политических блогов разница между женским и мужским языком сглаживается. Женщины, пишущие на

политические темы, стараются использовать язык, принятый в этой среде: достаточно официальный и не слишком эмоциональный. Гораздо сильнее различия мужского и женского языка проявляются в других тематиках. Чем более неформальное общение, тем больше разница. Несмотря на это, язык женского блога отличается большей образностью, разнообразием средств, служащих для выражения эмоций и направленных на получение эмоциональной реакции читателей. Стиль общения с читателями в женских блогах более неформальный. В мужских блогах прослеживается наличие более чётких формулировок, обилие фактической информации.

Библиографический список

1. Кирилина, А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. 189 с.
2. Горошко Е.И. Пол, гендер, язык // Женщина Гендер Культура. Москва: МЦГИ, 1999.
3. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нижний Новгород. 2005.
4. Гендер в английской лингвокультуре. Коллективная монография. Александра Олеговна Лалетина, Марина Владимировна Сергеева. НГЛУ, 2008, 13 с.
5. Eckert P. Language and Gender. Cambridge University Press, 2003. 366 p.
6. Cameron D. Language, Gender, and Sexuality: Current Issues and New Directions // Applied Linguistics, Volume 26, Issue 4. 2005.
7. Gal S. Linguistic Anthropology // In K. Brown. The Encyclopedia of Language and Linguistics. Elsevier. 2006.
8. Mills S. Gender and Politeness. Cambridge: Cambridge University Press. 2003.
9. Money J. Linguistic resources and psychodynamic theory // British Journal of Medical Sexology, 1955, vol.20.
10. Spender D. Man Made Language. 2nd edition. London: Pandora, 1980. 123 p.
11. Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. New York: William Morrow, 1990.

А.В. Шилина
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
РЕЧЕВЫХ АКТОВ УГРОЗЫ
(на материале современного английского языка)

В статье рассматриваются особенности структурно-семантического выражения речевого акта угрозы. В результате анализа было выявлено четыре типа менасивного речевого акта (МРА): МРА, выраженные комиссивом; МРА, выраженные комиссивом в сочетании с директивом; МРА, выраженные директивом; МРА, выраженные репрезентативом.

Ключевые слова: речевой акт, угроза, комиссив, директив, репрезентатив.

Alla Shilina
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Structural-Semantic Organization of Menasive Speech Acts
(in Contemporary English Language)

In the article characteristic features of structural-semantic organization of menasive speech acts are examined. As follows from the analysis, four types of menasive speech acts are identified: menasive speech acts expressed by a commissive, menasive speech acts expressed by a commissive in combination with a directive, menasive speech acts expressed by a directive, menasive speech acts expressed by a representative.

Key words: speech act, menace, commissive, directive, representative.

В центре внимания данной работы находится речевой акт угрозы. Согласно определению Н.Д. Арутюновой, речевой акт – «элементарное звено языковой коммуникации, являющееся продуктом актуализации предложения в конкретной ситуации общения и направленное на достижение определенной иллокутивной цели» [1. С. 412]. Угроза в толковых словарях современного русского литературного языка имеет значения:

1. Обещание причинить какое-либо зло, неприятность.
2. Возможность, опасность какого-либо бедствия, несчастья, неприятного события [2. С. 462].

Угроза используется говорящим с целью создания психологического дискомфорта, страха у собеседника, влияния на поведение слушающего [3. С. 1]. Речевой акт угрозы не имеет собственную перформативную форму реализации [4. С. 8]. В данном типе речевого акта употребление перформативного глагола «угрожаю» (*threaten*) не допускается, поскольку это приводит к эффекту «иллокутивного самоубийства». В глаголе «угрожаю» заложен некий подрывной фактор: использование глагола «угрожаю» (*I threaten you*) побуждает не принимать во внимание угрозу [5. С. 246]. Таким образом, он реализуется посредством формы других речевых актов.

С точки зрения структурно-семантической организации речевых актов угрозы в данном исследовании были выделены [6. С. 28]:

- речевые акты угрозы, выраженные комиссивом (собственно менасивные высказывания), характеризующиеся обещанием карательного действия;
- речевые акты угрозы, выраженные комиссивом в сочетании с директивом, которые наряду с обещанием характеризуются требованием совершить или, напротив, не совершить какое-либо действие;
- речевые акты угрозы, выраженные директивом, в которых на первый план выходит требование выполнения или невыполнения какого-либо действия, а обещание применения нежелательных санкций к адресату извлекается из общего контекста ситуации;
- речевые акты угрозы, выраженные репрезентативом, которые характеризуются описанием фактов, дающих понять слушающему, что говорящий намеревается нанести адресату определенный вред.

Количественное распределение речевых актов угрозы по этим группам оказалось разным. Анализ фактического материала показал, что наибольшее количество менасивных речевых актов выражено комиссивом в сочетании с директивом (37%).

You're coming home now! And if you don't back me up on this, FP, I will tear this trailer apart with my bare hands.

В данном примере персонаж предупреждает слушающего, что если тот не выполнит требование говорящего поддержать его (*back me up on this*), адресант обещает совершить вредоносное действие, в данном случае, нанести материальный ущерб и «разгромить трейлер» (*tear this trailer apart*).

Get away from him or I will call Mom.

Здесь персонаж угрожает слушающему звонком матери, что в соответствующем контексте может повлечь к применению санкций по отношению к адресату высказывания. Директивность проявляется в требовании персонажа отойти от другого участника ситуации.

28% составляют речевые акты угрозы, выраженные комиссивом:

You think you're the only one who can scare people by being crazy? You may have fooled my mother, but not me. I'm gonna bring you down. Because I catch bad men.

Персонаж угрожает погубить адресата, лишить его власти, что является нежелательным последствием для слушающего.

I'm going to make you pay for what you've done to my father.

Один из героев предупреждает слушающего, что ему придется заплатить за то, что он сделал с отцом говорящего. Направленность предизируемого действия на будущее осуществляется здесь с помощью конструкции *to be going to do smth.* Вызывает интерес тот факт, что в приведенных выше примерах угроза рассматривается как наказание за уже совершенные действия.

К группе речевых актов угрозы, выраженных директивом, было отнесено 19% всех рассмотренных менасивных РА.

- Basically, the only thing you can offer me now is access. So I need you to wake up, stop dicking around, and plant a bug in Hiram's office. Then he'll slip up and say something incriminating, and I'll record it and arrest him. Nice happy ending. You and your father will be safe.

- I don't believe you, that you'll leave me and my dad alone. I think you'll do anything that you can to destroy Hiram Lodge. Even if it means destroying us.

- You better make sure it doesn't come to that.

В последней реплике говорящий не подтверждает прямо опасения собеседника, касающиеся безопасности его семьи, но из высказывания ясно, что в случае, если адресат не выполнит требования адресанта, то предположения второго собеседника окажутся верными; наличие угрозы выводится из невербального контекста.

Реже всех встречаются речевые акты угрозы, выраженные репрезентативом – они составляют 16% менасивных РА. Такие РА отражают реальное положение дел, но цель адресанта состоит в том, чтобы из его речи слушающий понял, что говорящий способен причинить адресату вред.

With all due respect, Hiram, you're all alone here. Your boys from Montreal, from New York, they work for us now. And who've you got out here in the boonies, hmm? A couple of low-level capos and some zit-faced high school kid.

Говорящий, который является членом мафии, намекает слушающему, что тот совсем один в городе, а более-менее близкое окружение однозначно не подходит на роль защитников. Таким образом, говорящий подчеркивает свое более защищенное положение; он уверен, что может диктовать свои правила игры слушающему, так как адресат будет напуган своей беспомощностью и не сможет сопротивляться адресанту.

- What do you have there?

- This is my journal. When Mrs. Lodge sent that fake FBI agent to test me, I started taking detailed notes of everything I saw while I was apprenticing with you.

- Is that a threat?

- I'm looking out for my family.

Здесь говорящий сообщает слушающему, что делал подробные записи, когда проходил у него так называемую стажировку: слушающий был главой нелегального бизнеса, поэтому существование подобных заметок о его нелегальной деятельности и махинациях опасно для адресата, и говорящий понимает это. Для того чтобы слушающий не причинил вред близким адресанта, сам адресант стремится первым повлиять на ситуацию, и для этого ставит собеседника в известность о существовании заметок.

Преобладание комиссива в сочетании с директивом над остальными типами РА объясняется тесными коммуникативными отношениями между побуждением и угрозой. Использование репрезентативов для оформления угрозы считается наиболее социально приемлемым для ее выражения, но оно также может быть недостаточно эффективным, чем и объясняется низкая частотность употребления менасивных речевых актов, выраженных репрезентативом.

Главная причина использования структуры различных групп речевых актов для реализации речевого акта угрозы состоит в необходимости подчиняться нормам социального поведения [7. С. 119]. Говорящий стремится достигнуть необходимого эффекта не нарушив при этом правил продуктивной коммуникации. Исследование структурно-семантической организации менасивных высказываний позволило выявить наиболее частотные формы РА, с помощью которых реализуются речевые акты угрозы. Это способствовало получению ряда выводов об особенностях отражения угрозы в английском языке.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 412–413.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С—Я. 462 с.
3. Бут Н.А. Некоторые особенности употребления речевых актов угрожающего характера // Электронный ресурс Интернет: www.tstu.ru/old/education/elib/pdf/st/2004/buts.pdf.
4. Эпштейн О. В. Прагмалингвистические особенности менасивного речевого акта в политическом дискурсе: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. 209 с.
5. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. 16. Москва, 1985. С. 238–250.
6. Хохлова Н.В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 198 с.
7. Ермакова О.М. Особенности выражения менасива в английском языке // Язык и дискурс: семантический, прагматический и лингводидактический аспекты. Сб. науч. тр. преподавателей фак. иностр. яз. Мозырь: УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2011. С. 118–125.

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ
по направлению:

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Е.С. Бубнова
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ КОДИРОВАНИЕ БРИТАНСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(на материале творчества Стинга)

Настоящая статья посвящена изучению лингвокультурного потенциала креолизованных песенных текстов исполнителя Стинга с последующим выявлением в них комплекса типичных черт британского национального характера, а также ряда стилистических средств их актуализации. Делаются некоторые выводы об ассоциативной интеграции и взаимоопределении выведенных этноспецифических конструкторов.

Ключевые слова: британский национальный характер, лингвокультурное кодирование, песенный дискурс, стилистические средства, этноспецифический конструктор.

Ekaterina Bubnova
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Linguocultural Coding of British National Identity
(on the Basis of Sting's Song Discourse)

The article under consideration is devoted to the analysis of the linguocultural potential of Sting's creolized song texts, followed by singling out a complex of portrayed typical British national identity traits, as well as a list of stylistic devices, objectifying them. Some conclusions are made with reference to the associative integration of the features detected and their cross-definition.

Key words: British national identity, linguocultural coding, song discourse, stylistic devices, ethnospecific concept.

Современные исследования в области лингвистики отмечены не только изучением языковых особенностей различных явлений, но и рассмотрением связи между языковыми системами и культурными реалиями и ценностями. Так, одним из актуальных вопросов, находящихся на стыке различных областей научного знания, служит феномен национального характера, его определения в междисциплинарном ключе и способов выделения основных черт представителей той или иной народности. Особый интерес в контексте глобализации и стирания межнациональных границ представляет выявление

этноспецифических констант британского национального характера, классификации поведенческих и мировоззренческих проявлений типичных представителей данного лингвосоциума.

Рассуждая о специфике феномена «английскости» и его базовых чертах, отечественный англист и культуролог М.В. Цветкова отмечает значимость их рассмотрения в непосредственной взаимосвязи с историей и геополитическим положением страны. Исследователь выделяет такие фундаментальные лингвокультурные конструкты, как *дом, свобода, джентльменство, частная жизнь, «честная игра», традиции, сдержанность, здравый смысл и чувство юмора* [2. С. 158–183].

Модель британской идентичности Пола Лэнгфорда предполагает дифференциацию шести аксиологических полюсов, интегрирующих более конкретные черты характера:

- энергичность ⇔ практичность, рационализм, активность;
- порядочность ⇔ принцип «честной игры», стремление к следованию правилам, скромность;
- эксцентричность ⇔ свобода, оригинальность, уникальность;
- сдержанность ⇔ ограничение круга близкого общения;
- молчаливость ⇔ приверженность конкретному сообществу, клубная культура, неразговорчивость;
- прямолинейность ⇔ откровенность, открытость, стремление к семейной домашней жизни [3. С. 389].

Языковое выражение черт национального характера может быть отмечено использованием разнообразных средств и идиоматических структур. Меньшей образностью, однако не меньшей употребительностью, характеризуются устойчивые выражения, а также оценочная лексика. Особенно необходимо отметить лингвистическую репрезентацию чувства юмора, которое задействует комплекс явлений: полисемия, омонимия, деидиоматизация выражений и т.д.

В связи с тем, что национальный характер, в том числе, представляет собой структурирование культурных ценностей в сознании представителей конкретной нации или этнической группы, черты характера объективируются в различных устных и письменных литературных произведениях [1. С. 41].

Эмпирической базой анализа послужили тексты песен британского исполнителя под псевдонимом Стинг (*Sting*).

М.В. Цветкова и П. Лэнгфорд выделяют сдержанность как одну из основополагающих черт британского национального характера, которая проявляется на языковом уровне исследуемого креолизованного песенного текста различными средствами:

*I know that diamonds mean money for this art
But that's not the shape of my heart.*

В приведенном фрагменте текста песни “*Shape of my heart*” прослеживается несогласие субъекта с определенной ситуацией, что, однако, не передается с помощью лексики с ярко выраженной отрицательной коннотацией, а эксплицируется с помощью литоты “*that's not the shape of my heart*”, которая призвана смягчить отрицательную оценку.

Одним из ярких примеров функционирования указанного средства выразительности в английских текстах, служащих транслятором британской сдержанности, речевой умеренности, является текст песни “*She's too good for me*”:

*She don't like to hear me sing
She don't want no diamond ring
She don't want to drive my car
She won't let me go that far
She don't like the way I look
She don't like the things I cook.*

В данном фрагменте композиции использование отрицательных форм глаголов с положительным значением вместо глаголов с отрицательной коннотацией позволяет существенно снизить негативную оценку, выразить более умеренное отношение к описываемым событиям. Кроме того, следует указать, что лексический повтор вспомогательного глагола в отрицательной форме (*don't*) служит для передачи самоиронии и самоуничижительного тона героя, так как именно он становится объектом отрицательной оценки.

Умеренность, сдержанность выступают в тесной взаимосвязи с британским стремлением к соблюдению речевого этикета, вежливости:

You're not the easiest person I ever got to know.

Указанный отрывок из текста песни “*It's probably me*” содержит преуменьшение, с помощью которого характеристика объекта в значительной степени деинтенсифицируется, при этом сохраняются нормы вежливости. Следует отметить, что основной целью подобного выбора лексических средств является стремление не задеть чувства собеседника.

В песне “*Shape of my heart*” главной темой становится игра:

*He deals the cards as a meditation
And those he plays never suspect*

*He doesn't play for the money he wins
He doesn't play for respect.*

Принцип «честной игры» составляет одну из наиболее значимых черт британского характера и выражается в различных особенностях: подчинение правилам, следование нормам, законопослушность.

Еще одним важным критерием, выделяемым исследователями в рамках «английскости», является особое отношение к личному аспекту жизни, стремление к домашней атмосфере, которые, по мнению М.В. Цветковой, можно отнести к обобщающему концепту “*home*”. П. Лэнгфорд включает данные особенности характера в аксиологическое поле «прямолинейность».

Рассматривая функционирование указанного компонента в текстах песен британского певца *Sting*, можно привести пример из песни “*Saint Augustine in Hell*”:

Relax, have a cigar, make yourself at home.

В данном случае лексическая единица “*home*” используется в составе устойчивого выражения, которое может быть переведено на русский язык, как «чувствуйте себя как дома», то есть концепт «дом» ассоциируется с безопасным, комфортным, защищенным, спокойным местом.

С особенностями данного концепта связаны, кроме того, отношения с близким окружением. Примечательно, что для британцев характерен узкий круг общения, а также некая отстраненность, индивидуализм, что нередко ассоциируется с одиночеством:

*It's easy to lose touch with all the friends <...>
Everybody laughed they couldn't take me seriously
Abandoned me.*

В данном фрагменте текста песни “*Everybody loved but you*” отстраненность британцев от общества, их вовлеченность в общественные отношения эксплицируется с помощью устойчивого выражения “*to lose touch with*”, а также глаголов *abandon*, *laugh*. Следует указать, что последнее приобретает отрицательную коннотацию в рамках контекста.

На основе анализа текстов песен Стинга нельзя не выделить и чувство юмора:

*Hell is full of high court
Judges, failed saints.*

*We've got Cardinals, Archbishops, barristers,
Certified accountants, music critics, they're all here. You're not
Alone, you're never alone. Not here you're not.*

В приведенном примере фрагмента из текста песни “*Saint Augustine in Hell*” можно выделить иронию как средство создания юмористического эффекта, который достигается путем сопоставления различных понятий, их перечисления. Необходимо также отметить мысль о равенстве всех членов общества независимо от их классовой принадлежности, так как приверженность социальной эквивалентности – существенный элемент британского национального характера.

Целесообразно указать и те компоненты национального характера, которые используются для реализации британской энергичности (согласно классификации П. Лэнгфорда). Примером данного концепта является строка из песни “*Everybody loved but you*”:

Everybody climbed like ivy to the top most branch.

В указанной цитате наблюдается нацеленность на достижение определенного результата, акцентируемое использованием метафоры, на которой основано высказывание в целом (*climbed like ivy*), а также с помощью имени прилагательного в превосходной степени “*top most*”. Последнее указывает не только на желание добиться определенной цели, но и на необходимость достижения «наивысшей точки» в определенной деятельности.

Среди выделяемых черт британского национального характера особое место занимает рационализм. К этому конструкту следует отнести и эмпиризм, «здравый смысл». Анализируя отражение данной черты в текстах песен Стинга, следует признать, что эмпиризм нередко связан с логикой, стремлением предвидеть последующие события. Примером может послужить отрывок из песни “*Something the boy said*”:

*We set our eyes to the distance
We would find what we would find.*

Использование лексического повтора в рамках одного высказывания указывает на способность к дедукции, логическому осмыслению настоящего и будущего.

Рационализм в восприятии окружающей действительности может быть отмечен в следующей строке текста песни:

What we sought we did not fear.

Использование глагола эмоционально-чувственного восприятия *to fear* в отрицательной форме в сочетании с глаголом *sought*, обозначающим действие, подчеркивает, что эмпирическое восприятие действительности автором осуществляется не только через его эмоции, но и непосредственную деятельность.

Рационалистический взгляд британцев на окружающий мир предполагает необходимость чувственного восприятия чего-либо для подтверждения веры в данное явление:

Never saw no miracle of science.

Приведенный фрагмент основывается на ассоциативном оксюморе, в котором в одном словосочетании коррелируют лексические единицы с противоположным значением: слово *miracle*, относящееся к духовной сфере непосредственно взаимодействует со словом *science*, которое принадлежит научной сфере. Вместе с тем следует обратить внимание и на глагол *saw*, который указывает на то, что в процессе восприятия как духовной, так и научной сфер важнейшую роль играет эмпиризм.

Восприятие и оценка окружающей действительности у британцев нередко определяются наличием / отсутствием логики событий, компонента “здравого смысла”:

When the world's gone crazy, and it makes no sense.

В тексте песни “*It's probably me*” элемент *sense* функционирует в рамках устойчивого выражения “*to make sense*”: «неправильность» мира напрямую связана с утратой «смысла», логики окружающей действительности.

Представляется необходимым подчеркнуть, что указанные конкретные черты британского национального характера выступают в непосредственной взаимосвязи друг с другом, и между основными категориями нет абсолютного разграничения. Так, конструкт «дом» коррелирует с понятием приватности британцев, а умеренность в выражении оценки также определяет речевой прагматизм представителей британского лингвосоциума, которые отличаются конкретной и точной вербализацией, стремлением избежать излишнего языкового выражения.

Таким образом, в креолизованных текстах песен британского исполнителя Стинга отчетливо прослеживается эмпиризм и схожие с ним качества, среди которых прагматизм, рационализм, здравый смысл. Кроме того,

активно представлены приватность, вежливость, сдержанность, чувство юмора, значимость традиций, целеустремленность, а также принцип «честной игры». Лексический уровень средств, отражающих черты британского национального характера, представлен широким использованием определенных стилистических приемов (метафора, антитеза, литота, оксюморон), а также слов с ярко выраженной отрицательной или положительной коннотацией.

Библиографический список

1. Моисеева Н.А. Национальный характер как проблема социально-философского анализа: автореф. дис. ... док-ра философских наук. М., 2012. С. 41.
2. Цветкова М.В. Английское // Межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Нижний Новгород, 2001. С. 158–183.
3. Langford P. Englishness Identified. Manners and character. Oxford University Press, 2000. 389 p.

М.А. Дементьева
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
АМЕРИКАНСКОЙ МОЛОДЁЖИ 50–60 гг. XX ВЕКА
(на материале литературы писателей бит-поколения)

В статье рассматриваются характерные особенности языковой картины мира (ЯКМ) американской молодежи 50–60 гг. XX века, исследуются ключевые концепты данной ЯКМ на материале литературных произведений бит-поколения для выявления системности реализации изучаемых концептов в языковом сознании американской молодёжи середины XX века.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, лингвокогнитивный подход, литература бит-поколения, психолингвистика, языковая картина мира.

Maria Dementeva
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Language World Picture of the American Youth
in the 50–60s of the XX Century
(on the Basis of the Beat-generation Literature)

In the following article the author considers all the specific characteristics of the language world picture of the linguarium under research and the concepts implemented in the literature of the Beat Generation. On the basis of cognitive linguistics approaches, the author comes to the conclusion that language world picture of the American youth in the 50–60s of the XX century is realized through various linguistic units put in a system.

Key words: cognitive linguistics, concept, the beat generation, psycholinguistics, language world picture.

Понятие «картина мира» является одним из базовых терминов, используемых в ряде наук (философия, психология и т.д.), и изучается с точки зрения различных подходов и методик. С позиции лингвистики картина мира рассматривается как лингвокогнитивный феномен сознания индивида или целого социума. В когнитивной лингвистике особое внимание уделяется изучению языковой картины мира, исследование которой по сей день является одной из актуальных и значимых проблем.

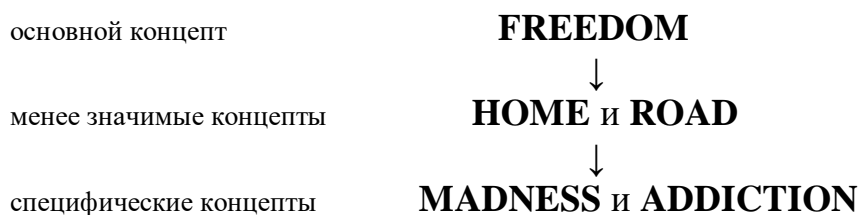
Изучение ЯКМ является сферой интересов таких междисциплинарных сфер знаний, как психолингвистика и межкультурная коммуникация, что говорит о важности и актуальности исследований в данном направлении. Языковая картина мира представляет собой систему представлений об окружающем мире, отражённых в сознании индивида или социума, и может быть изучена посредством анализа концептов как составляющих любой ЯКМ. Данное мнение обосновано тем, что концепт является своеобразным синтезом представлений об окружающей действительности в сознании его носителя. По мнению Ю.С. Степанова, концепт можно представить, с одной стороны, как «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» и, с другой стороны, как то, «посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [4. С. 43].

Исследователи считают, что из всех существующих методов исследования концептов наиболее точным является *семантико-когнитивный анализ*, разработанный отечественными лингвистами И.А. Стерниным и З.Д. Поповой. Он включает в себя следующие этапы исследования:

1. Построение номинативного поля концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.
4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка [3. С. 160].

Данный метод был использован автором в исследовании языковой картины мира американской молодёжи 50–60 гг. XX века, что позволило наиболее точно и подробно рассмотреть особенности языкового сознания изучаемого лингвосоциума. Языковым материалом послужили литературные произведения писателей и поэтов эпохи бит-поколения, включающие в себя 36 поэм и 3 романа, созданных писателями-битниками. Среди них были проанализированы романы Джека Керуака «В дороге» (“*On the Road*”, 1951 г.), «Бродяги Дхармы» (“*The Dharma Bums*”, 1958 г.), роман Уильяма Берроуза «Нагой обед» (“*Naked Lunch*”, 1959 г.), поэмы Аллена Гинзберга, Лоуренса Ферлингетти, Грегори Корсо.

В ходе исследования были выделены несколько ключевых концептов языковой картины мира американской молодёжи того времени, которые могут быть ранжированы по степени своей частотности проявления в языковом материале и представлены в виде следующей схемы:

Концепт **FREEDOM** является главным концептом исследуемой ЯКМ, так как в каждом из исследуемых литературных произведений можно встретить его языковые проявления. Концепты **HOME** и **ROAD** являются менее значимыми, так как встречаются не так часто, как главный концепт **FREEDOM**, однако проявляют себя как его составляющая часть, находясь в тесной взаимосвязи с ним. Концепты **MADNESS** и **ADDICTION** являются специфическими концептами, характерными только для языкового сознания исследуемого лингвосоциума. В первую очередь будет рассмотрена реализация основного концепта **FREEDOM** в языковой картине мира американской молодёжи 50–60х гг. XX века на материале ранее упомянутых литературных произведений.

Согласно алгоритму семантико-когнитивного анализа первым этапом исследования концепта является построение номинативного поля. Для этого нужно *установить ключевую номинацию концепт* – в настоящем исследовании таковым является номинация *freedom*, которая обладает стилистической нейтральностью и обобщенностью семантики.

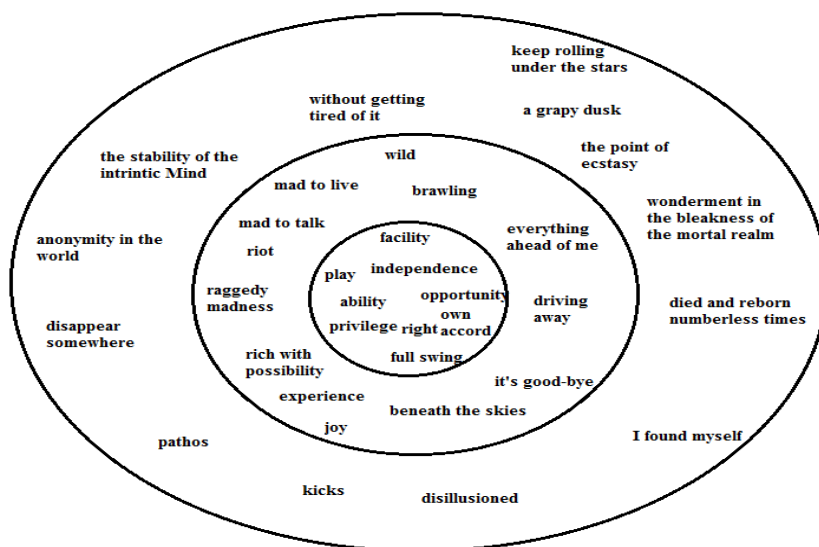
Следующим шагом первого этапа является *установление ядра номинативного поля*, что подразумевает включение наиболее актуальных ассоциаций с концептом. Для ключевой леммы *freedom* возможно привести ряд синонимов, которые могут быть включены в ядро номинативного поля данного концепта и которые также встречаются в исследуемых литературных произведениях: *independence, ability, opportunity, right, facility, play, power, privilege, full swing, own accord*.

Следующий шаг – *установление периферии номинативного поля*. Из художественного текста извлекаются номинации видовых разновидностей денотата концепта и отдельных признаков концепта, что позволяет выделить менее значимые ассоциации, закреплённые в сознании индивида. Стоит отметить, что здесь разграничиваются ближняя и дальняя периферии концепта в зависимости от степени их важности и частотности употребления.

Для построения *ближней периферии* при анализе текстов литературных произведений можно выделить индивидуально-авторские номинации концепта *freedom*, которые могут быть включены в ядро концепта: *mad to live, mad to talk, mad to be saved; wild; brawling; with abundance; everything ahead of me; driving away from people; it's good-bye; beneath the skies; experience; rich with possibility; raggedy madness; riot of our actual lives; away from home* и др.

Языковые единицы, составляющие *дальнюю периферию* концепта *freedom*, имеют четкую индивидуально-авторскую наклонность: *without getting tired of it; keep rolling under the stars; a grapy dusk; at the dividing line between the East of my youth and the West of my future; the point of ecstasy; timeless shadows; wonderment in the bleakness of the mortal realm; I had died and been reborn numberless times; the stability of the intrinsic Mind; anonymity in the world; disappear somewhere; pathos; joy, kicks; disillusioned; I found myself* и др.

Таким образом, можно составить следующую схему ядра и периферии анализируемого концепта:

Следующим этапом семантико-когнитивного исследования концепта является *анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта*. Для осуществления данного этапа был применён комплексный метод анализа словарных дефиниций, источниками которых являлись англоязычные толковые словари *Oxford Dictionary, Cambridge Dictionary, Collins English Dictionary, Macmillan Dictionary*. С помощью данного вида анализа, часто применяющегося при исследовании лексической семантики, можно выделить абсолютное главное значение *freedom* в англоязычном сознании. В таблице №1 представлен компонентный анализ лексемы *freedom*, осуществленный посредством выявления общих и различных признаков данного понятия.

Таблица 1.

<i>freedom</i>	the right to do what you want, make your own decisions, and express your own opinions	the state of not being imprisoned or enslaved	familiarity or openness in speech or behavior	the power or liberty to order one's own actions
Oxford Dictionary	+	+	+	-
Cambridge Dictionary	+	+	-	+
Collins English Dictionary	+	+	+	+
Macmillan Dictionary	+	+	-	+

Итак, при исследовании словарных дефиниций лексемы *freedom* выяснилось, что её семантическое значение практически идентично в каждом из указанных англоязычных словарей, что позволяет прийти к выводу, что сознание американского лингвосоциума содержит общее восприятие и понимание данного концепта. Архисемами *freedom* являются: *the right to do what you want, make your own decisions, and express your own opinions* и *the state of not being imprisoned or enslaved*, что говорит об амбивалентности данного понятия: с одной стороны, это свобода психологическая (*do what you want, make your own decisions and express your own opinion*), а с другой – физическая (*not being imprisoned or enslaved*). Таким образом, можно разделить концептуальное значение *freedom*, основываясь на характере реализации данного признака в виде физического или нефизического воздействия на сознание индивида или целого социума.

Затем был использован метод сплошной выборки цитат из литературных произведений для подтверждения результатов, полученных в ходе комплексного анализа. Выяснилось, что для молодого американца того времени понятие о свободе разделено на ментальную и физическую составляющие, т.е. предполагает отсутствие ограничений в выборе, как жить, каким морально-нравственным правилам следовать, а также перемещаться в пространстве хаотично, буквально путешествовать без цели и маршрута следования.

Следующим этапом семантико-когнитивного анализа концепта *freedom* является **верификация полученного когнитивного описания у носителей языка**. Был использован метод опроса с помощью заочного анкетирования на онлайн платформе *Facebook*. Респондентами являлись 56 американских граждан от 30 до 55 лет, которые знакомы с литературой бит-поколения или увлекаются ей. Данный выбор критериев отбора опрашиваемых был обусловлен тем, что представители данной группы лиц являются носителями языка, они знакомы с философией и идеологией движения битников, а их

возрастная вариативность позволяет наиболее точно раскрыть реализацию концепта *freedom* в их языковом сознании.

В опросе респонденты отвечали на вопрос “*What does “freedom” as a concept mean to you? Give your associations using nouns and adjectives to it*” в свободной форме, что позволило получить необходимые ассоциации испытуемых с исследуемым концептом, возникающие в их сознании.

Результаты онлайн-опроса представлены в таблице 2.

Таблица 2.

<i>Ассоциация с концептом freedom</i>	<i>Частотность (из 56)</i>
<i>independence</i>	55
<i>ability</i>	48
<i>travelling</i>	31
<i>home</i>	25
<i>power</i>	17
<i>creativity</i>	17
<i>holidays</i>	14
<i>wish</i>	2
<i>privilege</i>	2

Таким образом, самыми популярными ответами на заданный вопрос стали ассоциации *independence*, *ability*, *travelling*, что подтверждает результаты исследования концепта *freedom*: американцы считают, что свобода должна быть и ментальной (от обязанностей, например), и физической (возможность свободно перемещаться по миру, путешествовать). Данные понятия и были раскрыты в литературных произведениях писателей бит-поколения.

Более того, в результате исследования получены выводы, что языковая картина мира американской молодёжи 50–60 гг. XX века представляет собой многоуровневую систему, зависящую от взаимодействия различных концептов между собой. Концепт FREEDOM является главным в концептосфере исследуемой ЯКМ, оказывает непосредственное влияние на другие менее значимые концепты (HOME, ROAD, DEATH, WAY, ADDICTION), сосуществующие в языковом сознании американской молодёжи того времени. Концепты HOME и ROAD являются менее значимыми в языковой картине мира исследуемого поколения молодых людей, однако также представлены в их сознании и находятся под воздействием главного концепта FREEDOM. Концепты MADNESS и ADDICTION представляют собой единицы, которые могут быть выделены только в особо специфических случаях в зависимости от экстралингвистических особенностей их индивидуально-авторского восприятия.

Все перечисленные концепты формируют концептуальную целостность и характеризуют молодых американцев 50–60 гг. XX века как людей, желающих доказать обществу важность борьбы за обретение подлинной свободы от

навязанных установок в различных сферах жизни, используя разные методы и способы осуществления этого. Таким образом, языковая картина мира американской молодёжи 50–60 гг. XX века представляет собой чётко структурированную систему концептов – представлений о мире, выраженных посредством различных языковых средств.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 24–32.
2. Аскольдов (Алексеев) С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 75–79.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
5. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 315 с.
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 590 с.

К.А. Колесниченко
Волгоградский государственный социально-педагогический
университет, Волгоград

КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ДИСКУРСА СТРАХА
(на примере новостного контента)

Статья посвящена анализу языковой реализации концептов, составляющих концептуальное пространство дискурса страха применительно к материалу новостных текстов. На основе анализа понятийной составляющей концептов сделан вывод о ядерном элементе конструирования дискурса страха. Даны примеры языковой репрезентации трёх взаимодействующих концептов: страх, смерть и враг.

Ключевые слова: дискурс, концепт, новостной текст, номинация, синонимия, страх.

Kseniya Kolesnichenko
Volgograd State Socio-Pedagogical University

Conceptual Space of the Fear Discourse
(on the Basis of News Content)

The article is devoted to the analysis of the language realization of the concepts which constitute conceptual space of the fear discourse related to the news content. The analysis of the conceptual components results in the conclusion about the core element of fear discourse. The examples of language representation of three interacting concepts – fear, death and enemy – are given.

Keywords: discourse, concept, news text, nomination, synonymy, fear.

Стремительное развитие информационных технологий позволяет средствам массовой информации оказывать всё большее влияние на мировосприятие получателей информации. Зачастую первое действие, которое человек совершает с утра, заключается в ознакомлении с последними событиями и происшествиями в мире.

Новостные сообщения распространяются так часто и стремительно, что у нас обычно не хватает времени на анализ получаемой информации.

Под *новостным текстом* в настоящей работе понимается «базовый текст массовой информации, реализующий информативную функцию и характеризующийся устойчивым сочетанием признаков текста и компонентов его содержания» [2. С. 60].

Несмотря на то, что функция новостного текста – *информативная*, Т.Г. Добросклонская отмечает, что новости играют значимую роль в формировании культурно-идеологического контекста за счёт наличия «особой тональности», отражающей систему ценностей адресанта новостного сообщения. Данное утверждение вступает в противоречие с тезисом об обязательной объективности и непредвзятости в освещении событий и выявляет основную проблему современной новостной журналистики, заключающуюся в сложности разграничения информации и оценки.

При этом необходимо отметить, что некоторыми исследователями (Е.В. Васильева, Т.Г. Добросклонская, М.И. Черкас и др.) в качестве разновидности новостного текста выделяется текст *информационно-аналитический*, под которым понимается *расширенный вариант новостного текста, отличающийся наличием аналитической части*. Т.е. в данном варианте наличие оценки и мнения является обязательным, но не основным компонентом, а разграничение информационной и аналитической частей является признаком «качественной журналистики» [2. С. 60–64].

Тем не менее, зачастую бывает сложно определить функциональную принадлежность новостного текста, поскольку субъективный компонент может органично вплестаться в канву текста, становясь его неотъемлемым элементом, что более не позволяет его рассматривать как информационный и объективный текст и даёт возможность считать его текстом с элементом суггестии, т.е. *суггестивным текстом*.

Под *суггестивностью* понимается «подача информации, воспринимаемая без критической оценки, и оказывающая влияние на течение нервно-психических процессов» [6. С. 205].

В настоящей работе понятие новостного текста будет использовано в своём широком значении в связи с отсутствием строгих критериев разграничения новостного и информационно-аналитического текстов.

Одним из частотных суггестивных компонентов в условиях современной жизни является эмоция страха. В результате проведённого исследования (материалом послужили более 500 новостных текстов из таких изданий, как *Известия, Российская газета, Свободная пресса, Вести.ru, РИА Новости, RussiaToday, Независимая газета* и др.) удалось выявить несколько групп приёмов, использующихся в новостных текстах для внедрения страха. Одной из групп является прямая апелляция к концептам.

При исследовании концептов в качестве основания будут использованы теоретические положения Волгоградской лингвоконцептологической школы; под *концептом* понимается «ментальное образование, представляющее собой хранящийся в памяти человека значимый осознаваемый и типизируемый фрагмент опыта» [4. С. 7].

При анализе новостных текстов было обнаружено взаимодействие таких концептов, как *страх*, *смерть* и *враг*. Обращение к материалу лексикографических изданий обнаруживает следующие дефиниции номинаций концептов:

1. *Страх* – очень сильный испуг, сильная боязнь [5. С. 772]; *страсть*, *боязнь*, *робость*, *сильное опасение*, *тревожное состояние души от испуга*, *от грозящего или воображаемого бедствия* [1. С. 335].

2. *Смерть* – прекращение жизнедеятельности организма [5. С. 735]; *конец земной жизни*, *кончина*, *разлучение души с телом* [1. С. 235].

Концепты *страх* и *смерть* сближаются по образному компоненту содержания, что проявляется в таких устойчивых выражениях, как *страх смерти*, *смерть по грехам страшна* [1. С. 335], *страхов много, а смерть одна*, *смертный страх* [1. С. 235–236], *в смертном страхе* [7. С. 734], а также по возможности синонимической замены *страх* на *смерть* в функции наречия при употреблении в значении *очень много* (*страх / смерть как много ч-л*).

3. *Враг* – человек, который находится в состоянии вражды с кем-нибудь, *противник* [1. С. 322].

Связь концептов *страх* и *враг* менее выражена, но обнаруживается в следующих толкованиях: *страх* – (перен.) *кто-либо, что-либо, представляющее угрозу*; *враг* – *то, что приносит зло, вред* [3. С.835].

Таким образом, можно сделать вывод о сближении трёх рассматриваемых концептов на основе компонента *страх*, что делает данный концепт доминантой анализируемого концептуального поля.

Прямая апелляция к концептам наиболее явно проявляется в эксплицитной номинации. Рассмотрим апелляцию к страху:

«...НАТО – альянс, который в свое время и создавался для **устрашения** Москвы...» (Тасс, 15.03.18).

«Тем временем предположения о смерти Скрипалей на этом фоне кажутся все более реалистичными. **Страшные** догадки озвучили неоднократно и родственники, и пользователи Сети» (Утро.ру, 19.10.18).

Включение в текст различных компонентов словообразовательной парадигмы лексической единицы *страх* является наиболее частотным способом обращения к концепту. Помимо этого, можно отметить использование синонимов разной степени интенсивности:

«Напомним, российско-израильские отношения обострились после трагедии с самолетом Ил-20 в Сирии. <...> Местные СМИ тут же окрестили происходящее "**кошмаром**", а официальные лица разразились угрозами» (Утро.ру, 07.10.18).

Особенно интересными с точки зрения анализа являются тексты, в которых обращение к синонимам происходит несколько раз, но с каждым последующим случаем выбирается слово с более слабой стилистической окраской:

*«Низко пролетевший над Воронежем самолет привел в ужас туристов. <...> Воздушное судно **напугало** взрослых и детей. <...> 18 октября над Воронежем, по словам очевидцев, довольно низко пролетел самолет, что не на шутку **перепугало** людей. <...> Произошел достаточно **неприятный инцидент**» (Блокнот, 19.10.18).*

Рассмотрим средства апелляции к концепту враг. В данном случае также наиболее явным способом является прямая номинация или синонимические замены:

*«Формула отравляющего вещества? Какая такая формула, как можно делиться какими-то подробностями дела с объявленным **врагом** – что можно противопоставить такой нездоровой логике?» (Известия, 15.03.18).*

*«Чтобы сохранить военное превосходство в этом многополярном мире, мы должны думать, маневрировать, заводить партнёров и внедрять инновации лучше, чем наши **противники**» (Тасс, 21.03.18).*

Также встречаются описательные конструкции, использование которых объясняется необходимостью выразить отношение косвенно:

*«**Авторами заговорщических постановок** (массовых расстрелов – прим. автора) называются **либералы** <...>, **желающие разрушить традиционные американские ценности** (право на свободное ношение оружия) и **отдать Америку на растерзание мигрантов**» (РИА Новости, 20.10.18).*

При обращении к концепту «смерть» однословной номинации оказывается недостаточно, в силу чего чаще встречаются усилительные конструкции:

*«**Восемь американских военнослужащих погибли в марте в Ираке и Сирии, и этот месяц стал «самым смертоносным» для Пентагона за все время проведения военной операции против радикальной группировки «Исламское государство» (ИГ*) в этих арабских странах**» (NewsFront, 01.04.18).*

В случае с данным концептом следует отметить, что в силу частой воспроизводимости, большого количества новостей на тему смерти, прямая номинация или эмоционально неокрашенная синонимия отклика у публики не вызывает, что свидетельствует о снижении восприимчивости к негативной информации и указывает на потерю такими словами изначальной эмоциональной нагрузки:

*«Супруги из России **погибли** после падения арендованной ими машины с обрыва высотой 30 метров» (Газета.ру, 20.10.18).*

*«Европейский союз выразил обеспокоенность в связи со **смертью** саудовского журналиста Джамала Хашуджи, отметив «шокирующее нарушение Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года» (RT, 20.10.18).*

Таким образом, можно сделать вывод о значительной роли номинации и синонимии при обращении к концептам *страх*, *смерть* и *враг*, что объясняется простотой в использовании при создании текста, а также доступностью последующего понимания наиболее широкой аудиторией.

Концепты *смерть* и *враг* включаются в концептуальное пространство страха, в массмедийном пространстве взаимодействуют как элементы одной системы, в которой *страх* является доминирующим элементом, включающим в себя элементы *смерть* и *враг*. Концепты находятся в отношениях включения и пересечения. При этом необходимо отметить, что сфера новостной журналистики очень подвижна и напрямую зависит от множества факторов (события в мире, государственная политика, обстановка в стране и др.), в связи с чем «распределение сил» концептов также может изменяться.

Библиографический список

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. М.: Рипол классик, 2006. 2752 с.
2. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: 2008. 203 с.
3. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз. 2000. В 2 т. 1209 с.
4. Карасик В.И. Лингвоконцептология: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. 104 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
6. Свядощ А.М. Неврозы. Руководство для врачей. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер Паблишинг, 1997. 448 с.
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1216 с.

С.А. Мансурова
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ»
(на материале корпуса текстов СОСА)

В статье анализируются особенности концептуализации «американской мечты» в четырех временных срезах 1990–1991 гг., 2011–2012 гг., 2014–2015 гг. и 2016–2017 гг. в корпусе текстов современного американского варианта английского языка СОСА. Тематическое исследование включает в себе обнаружение частотности коллокации *American dream* в корпусе текстов в динамической синхронии.

Ключевые слова: динамическая синхрония, коллокация, концепт, корпус текстов, семантическая просодия.

Svetlana Mansurova
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Conceptualization of the “American dream”
(Based on COCA)

The article deals with conceptual peculiarities of the national concept “American dream” detected through examining the Corpus of Contemporary American English (COCA) for the years 1990–1991, 2011–2012, 2014–2015, 2016–2017. The thematic study concentrates on the frequency of the collocation “American dream” in COCA in dynamic synchrony.

Key words: dynamic synchrony, collocation, concept, corpus of texts, semantic prosody.

Базовые компоненты культуры играют важную роль в коллективном языковом сознании. Для американской культуры такой концепцией является «американская мечта», которая включает в себе стремления нации создать идеалы, особую модель поведения, а также внушить оптимизм в национальном масштабе [1. С. 127].

В настоящей статье «американская мечта» понимается как национальный концепт, рассматриваемый сквозь призму национального языка, который является транслятором особой национальной ментальности [3. С. 72].

Выборка фактического материала представлена корпусом текстов СОСА, в соответствии с временными интервалами 1990–1991 гг., 2011–2012 гг., 2014–2015 гг. и 2016–2017 гг. (591 вхождений).

Актуальность статьи обусловлена тем, что «американская мечта» рассматривается в динамической синхронии на материале временных срезов, включая последние из зарегистрированных в анализируемом корпусе выборки [2. С. 63–92].

Методика исследования обусловлена обнаружением частотности анализируемого словосочетания в корпусе текстов СОСА и описанием его в ракурсе семантической просодии (*semantic prosody*), которая включает в себя оценочное значение, но реализуется в языковых единицах, состоящих из слова и его окружения [4. С. 78].

Так, за период с 1990 по 1991 гг. по данным корпуса зарегистрировано 130 вхождений «American dream». Согласно анализу, в контекстах преобладает негативная семантическая просодия. Большинству рядовых граждан *Американская мечта* видится как нечто недостижимое, хрупкое, недоступное:

*The American Dream is now almost **shattered** because only some people are doing well and that's a well known fact [5].*

*We feel **insecure** about our present and our future. Most of us worry that our children won't be able to live the American dream – to have their own homes or support their families. We worry about **declining** economics, and worry that tomorrow will be **worse** than today [5].*

*You need to turn your attention to the fact that the American Dream is **in serious danger** [5].*

Наибольшее количество контекстов приходится на тематические сферы «Благосостояние и успех» и «Дом», которые отражают стремление людей обладать материальным достатком, собственным бизнесом и жильем:

There's no doubt that we all want to be a part to be a part of the Middle Class, we all want to live the American Dream [5].

"We have no idea how we are going to realize the American Dream without both of us having a lucrative job," she says [5].

The traditional American dream is a house in the suburbs, a couple of cars and a front and back yard; I want help on my taxes. I really want to leave something to my children. I want to own some brick. That's the American dream[5].

В 2011–2012 гг. зарегистрировано 129 вхождений исследуемого словосочетания. Здесь можно наблюдать положительную динамику: контексты с положительной семантической просодией значительно преобладают над контекстами с негативной. *Американская мечта* уже не столь недостижима, эфемерна, а вполне реализуема, что связано с улучшением качества жизни, приобретением у людей большей уверенности в себе, в завтрашнем дне:

*And that starts to get to the basic tenet of **the American dream**, which is the next generation always does better than the one before [5].*

*We believe in freedom and prosperity. If you work hard it should be rewarded. So this notion of **the American Dream** is very strong and we're already hearing it from the presidential candidate [5].*

Тематические сферы «Благосостояние и успех» и «Дом» лидируют по количеству контекстов, но при этом больший акцент делается на желание людей преуспеть, достигнуть славы и процветания, а не только накопить материальные блага:

***The American dream** was a house, a car, you know a backyard and a few kids. But now **the American dream** is completely different. If you ask any teenager he says that he wants to be famous he wants to be on TV or he wants to be a sports star. That's what most people want to be now. They want to be famous. It has nothing to do with having a good job [5].*

Появляется понятие *Новая американская мечта*, которая предполагает достижение высокого уровня достатка и успеха, а также обретение стабильности. *Старая Американская мечта* включала в себя желание обладать как можно большими материальными благами, в то время как *Новая Американская мечта* подразумевает обретение стабильности на всю оставшуюся жизнь. Контексты 2011–2012 гг. также свидетельствуют о том, что *Новая Американская мечта* не предполагает обязательное наличие своего дома, достаточным является аренда жилья:

***The new American dream** is one that you can achieve and it will be with you forever; Nowadays **the new American dream** for many people has nothing to do with having their own home, it's to rent. People want to get out of this home ... they want to be free again, they want to rent; ... there're two things that people should do to acquire this **new American dream**, and two things they shouldn't do.... First of all to learn how to stand in your truth. You must know how much money you have coming in, how much money you have going out. You must know where you are standing. And from that point on, you should do what's true for you [5].*

В целом, несмотря на проблему выплаты кредитов на образование и ипотечных кредитов, контексты свидетельствуют о появлении у людей больших возможностей для достижения целей, приобретение ими большей уверенности в себе и в завтрашнем дне.

За 2014–2015 гг. в корпусе СОСА зарегистрировано 170 вхождений словосочетания *American dream*. На данном временном срезе, как и в 90-х годах, «американская мечта» концептуализируется, прежде всего, как социально-политический феномен. Так же как и в 90-е годы, здесь превалирует негативная семантическая просодия, что подтверждает конфликтогенный характер концепта:

She says that the American dream is going further and further out of reach;

I'd like just remind you, Secretary Clinton said the American dream of upward mobility is going further and further out of reach [5].

So all these things have conspired at a time when wages are not keeping pace with costs. And the result is this millions of people in America who feel like the American Dream is slipping out of reach [5].

You saw it so clearly in the poll, the feeling that the American dream has been profoundly watered down and that people can't make it to the middle class anymore [5].

Так же, как и в предыдущих периодах, большинство контекстов приходится на тематические сферы «Благосостояние и успех» и «Дом, семья, дети». Наблюдается разрыв в разнице доходов разных слоев населения, дефицит рабочих мест:

You know that income inequality aggravates the situation of upward mobility. That's the one of the central components of the American dream; According to statistics, upward mobility in the USA is getting lower and lower than it was in the past, and it's quite a bit lower than in some European countries [5].

We want steady economic growth, we want people to be able to live the American dream and that's getting harder and harder nowadays [5].

Но, тем не менее, люди стремятся к экономическому благополучию и стабильности. Что касается семейных ценностей, здесь так же можно заметить спад – все меньшее количество семей живут в браке и многие дети воспитываются в неполных семьях:

One of the main parts of the American dream was getting married and having 2 or 4 children. In 1975, 80 percent of us were married and 20 percent were unmarried. Now, in 2015, it's 49 percent are married, and the majority, 53 percent are unmarried [5].

За 2016–2017 гг. прослеживается положительная динамика – как и во втором периоде (2011–2012), контексты с положительной семантической просодией превалируют над контекстами с негативной:

*If you give an opportunity to young people, you know, they want **the American dream**. There's no lack of belief in America as the land of opportunity and the minority communities in our country [5].*

*He sees the United States of America, and all he wants to do is make sure that everybody, no matter what race, religion, creed and color you are, that you have every opportunity to -- you know, to enjoy **the American dream**. And that's his message [5].*

*We believe in better schools, a better health care system, a better economy which rewards hard work no matter where or when you punch the clock, and most of all we believe in a better chance at **the American dream** for everyone [5].*

Здесь большее количество анализируемых контекстов приходится на такие семантические области, как «Благосостояние и успех» и «Жизнь мигрантов», где выражается стремление людей осуществить Американскую мечту – процветания и благосостояния – самому пробивая себе дорогу:

*People who prove that pulling one's self up by one's bootstraps is still a possibility and, by extension, that those who don't succeed must own their shortcomings. **The American Dream** still functions as advertised, conservatives are fond of trotting out success stories. [5].*

Наблюдается стабилизация общественно-экономической стороны США, уменьшение доли конфликтогенности общества. Поощряется легальная миграция. Подчеркивается, что Америка готова оказать поддержку легальным иммигрантам в осуществлении их Американской мечты: получить хорошее образование, обзавестись семьей или же пойти вверх по карьерной лестнице:

*We are the party that believes in opportunity for all. Regardless of your background, your religion, who you love, we believe that you should all have the ability to live **the American dream** [5].*

*We didn't learn from MBA's. We learned from people who had doctorates in common sense. He knows that the heart of **the American dream** is the idea that whoever we are, wherever we're from, we can get ahead, where everyone can prosper together[5].*

He sees the United States of America, and all he wants to do is make sure that everybody, no matter what race, religion, creed and color you are, that you have

every opportunity to -- you know, to enjoy the American dream. And that's his message [5].

Итак, изучение особенностей концепта «американская мечта» в динамической синхронии показало, что в 1990–1991 гг. и в 2014–2015 гг. «американская мечта» видится как нечто недоступное для большинства людей, что связано с нестабильной экономической ситуацией в стране. Что касается временных срезов 2011–2012 гг. и 2016–2017 гг., здесь наблюдается значительная положительная динамика в связи с восходящей фазой экономического цикла, что включает в себя рост занятости на рынке труда, рост жилищного строительства а так же инвестиции в образование и подготовку молодых кадров. У людей появляется больше возможностей для достижения высокого уровня достатка и процветания, а так же стабильности.

Библиографический список

1. Александрович, Н.В. DREAM как базовый концепт романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. 2008. № 10(34). С. 127–130.
2. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2000. № 5. С. 63–92.
3. Курышева В.И., Бугрова С.Е., Мансурова С.А. Особенности репрезентации национального концепта *American dream* в американской языковой культуре (на материале корпуса текстов COCA) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Выпуск 41. Нижний Новгород: «НГЛУ», 2018. С. 71–82.
4. Partington A. Utterly Content in Each Other's Company: Semantic Prosody and Semantic Preference // International Journal of Corpus Linguistics. 2004. № 9:1.
5. The Corpus of Contemporary American English // Электронный ресурс Интернет: <http://corpus.byu.edu/coca/>.

Д.А. Фогель
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

КОНЦЕПТ «ОГОНЬ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья посвящена исследованию концепта «огонь» во французской языковой картине мира. Концептами занимались многие ученые, лингвисты, но концепт огня еще не исследовался, поэтому данная статья является актуальной. В ней раскрывается сущность, реализация и особенности данного концепта на основе словарей различного типа и произведения художественной литературы.

Ключевые слова: концепт, концепт «огонь», понятие, французская языковая картина мира.

Dmitry Fogel
Nizhny Novgorod State Linguistics University

The Concept "Fire" in the French Language Picture of the World

The article is devoted to the research of the concept of the word "fire" in the French language picture of the world. Many scientists, linguists were engaged in the study of concepts, but fire concept hasn't been researched yet, therefore this article is relevant. In it the essence, realization and features of this concept are revealed on the basis of dictionaries of various types and of a literary roman.

Key words: concept, concept "fire", notion, the French language picture of the world.

В работе впервые осуществляется исследование концепта «огонь», выбор которого обусловлен его универсальностью и значимостью, как в рамках французской, так и мировой культуры в целом. До сих пор не существует общепринятого понимания природы концепта, нет единого подхода к определению данного понятия. Тематика, междисциплинарный характер, а также недостаточная изученность концептов французской культуры определяет актуальность настоящего исследования. Кроме того, анализ концепта «огонь» впервые осуществляется на основе словарей различного типа и художественной литературы.

Что же представляет собой концепт? Можно сказать, что концепт – явление того же порядка, что и понятие. Однако термины «концепт» и «понятие» различаются как сферой употребления, так и объемом содержания.

Концепт шире понятия, так как включает в свой объем не только содержание понятия. Понятие опирается на научные знания о мире, заключенные в системе логических отношений, концепт содержит, помимо словарного значения слова, личный опыт человека, основанный на его эмоциях, чувствах [3].

Под концептом в работе понимается абстрактный объект, включающий в свою структуру содержание понятия, а также исторический, культурный опыт человека. Анализируется концепт с сильным ядерным значением и широким интерпретационным полем [2].

Концепт вербализуется словом. Слова способны характеризовать приметы материальной и духовной культуры народа и репрезентировать в языке национальную картину мира. Общенациональные значения концепта «огонь» это – *пламя, горение, тепловая энергия*. Анализ словарей позволяет раскрыть восприятие данного концепта во французской картине мира.

Исследуя дефиниции **слова** в словарях «*Le Grand Robert de la langue française*», «*Le Grand Larousse*» [5; 6], можно прийти к следующим результатам, представленным в таблице:

	Le Grand Robert	Larousse
Прямые значения	Dégagement d'énergie calorifique et de lumière accompagnant la combustion vive (Выделение тепловой энергии и света, сопровождаемые живым горением)	Manifestation d'une combustion rapide et persistante accompagnée d'émission de lumière et d'énergie thermique (Проявление стремительного сжигания, сопровождаемого передачей света и тепловой энергии)
	Calcination, consommation, crémation, ignition, incandescence; flamme (Кальцинация, сжигание, зажигание, пламя и т. п.)	Incendie, destruction par les flammes (Пожар, разрушение с помощью пламени)
Переносные значения	Feu rouge, vert, jaune (Свет/сигнал светофора)	Brûleur, plaque qui permet de produire cette source de chaleur (Горелка, плита, которая позволяет произвести этот источник тепла)
	Feu! – как команда «Огонь!» при стрельбе	Ardeur des sentiments, vivacité, enthousiasme, chaleur (Жар чувств, живость, энтузиазм)
	Feu = foyer (Домашний очаг)	Revolver, pistolet; sortir son feu (Вытащить свой пистолет)
	Le feu comme le symbole de l'âme, de Dieu, de la vie, de la connaissance (Огонь как символ души, Бога, жизни)	Lumière pour signaler qch (Свет для каких-либо сигналов)

Таким образом, значение словарной единицы *feu* во французском языке можно расчленить на две основные группы, связанные с выделением тепловой энергии, пламени, света и с проявлением человеческих чувств, души. Каждая группа имеет свои особенности, которые проявляются по-разному. Общим является первостепенное значение выделения тепла и света, а также наличие значений *feu* как светового или стрелкового сигнала и домашнего очага, как источника тепла; существуют различия в расположении и конкретных трактовках слова, особенно, значений, связанных с человеческим темпераментом, живостью, стихией. Следует обратить внимание на значения *ardeur des sentiments, vivacité, enthousiasme, chaleur*, которые идут непосредственно за тепловой энергией, впереди огня как оружия и светового сигнала, что говорит об их значимости в восприятии данного концепта.

Исследование французских идиоматических выражений, представленных в словаре В.Г. Гака «*Le nouveau grand dictionnaire phraséologique français-russe*» [1] позволяет глубже понять смысл концепта, уточнить оттенки его восприятия. Для концепта *feu* можно упомянуть следующие, наиболее яркие идиомы.

Огонь употребляется в прямом значении пламени, тепла: *il n'y a pas de fumée sans feu* – не бывает пожара без причины (подразумевается одно из прямых значений – «пожар»).

Огонь в значении домашнего очага: *avoir le dos au chaud feu, le ventre à table* – удобно расположиться для еды (подчеркивает значение «домашний очаг»).

Связь огня с войной, стрельбой, непростым путем: *baptême du feu* – боевое крещение, проверка на деле (в данном выражении *feu* иносказательно указывает на оружие, стрельбу, боевые действия; хотя может просто подразумеваться непростой жизненный вызов).

Огонь как символ человеческого темперамента: *jouer avec le feu* – делать что-либо рискованное (русский аналог «играть с огнем»).

Для анализа восприятия концепта «огонь» в художественной литературе исследовался роман А. Барбюсса с одноименным названием – «*Le feu*» [1]. Данное произведение это не просто повествование об однообразных буднях солдат. Этот роман – эпическая поэма о катастрофе, о войне (первой мировой), которая принимает поистине космические размеры. Основная мысль произведения провозглашена уже в его названии, в огне империалистической войны выковывается новое революционное сознание масс.

Более того, одна из глав романа (XX) также носит название «огонь», что говорит о том, что данный концепт пронизывает всё произведение. Чтобы максимально полно раскрыть образ огня, рассмотрим отрывок из главы, который является важным и одновременно психологически тяжелым фрагментом всего произведения.

C'est le **barrage**. Il faut passer dans **ce tourbillon de flammes** et ces horribles nuées verticales. On passe. On est passé, au hasard; j'ai vu, çà et là, des formes tournoyer, s'enlever et se coucher, **éclairées d'un brusque reflet** d'au-delà. J'ai entrevu des faces étranges qui poussaient des espèces de cris, qu'on apercevait sans les entendre dans l'anéantissement du vacarme. **Un brasier** avec **d'immenses et furieuses masses rouges et noires** tombait autour de moi, creusant la terre, l'ôtant de dessous mes pieds, et me jetant de côté, comme un jouet rebondissant. Je me rappelle avoir enjambé un cadavre qui **brûlait**, tout noir, avec **une nappe de sang vermeil qui grésillait** sur lui, et je me souviens aussi que les pans de la capote qui se déplaçait près de moi avaient pris **feu** et laissaient **un sillon de fumée...**

Тема данного фрагмента представлена развитием лексического поля, господствующим элементом как раз является огонь.

Как и во всем романе, «огонь» – также вездесущ и в этом отрывке. В нем присутствует «пламя» (*flammes*), свет и изображение ада. «Пламя» отражается в термине «вихрь» (*tourbillon*) и повторно появляются под другими наименованиями («костер», «огромные и взбешенные красные массы» *Un brasier avec d'immenses et furieuses masses rouges et noire*). Концепт «огонь» также репрезентирован другими выражениями и словами: *brûlait* – горел, *grésillait* – трещал, *avaient pris feu* – загорелись.

Подводя итоги, можно утверждать, что в приведенном фрагменте и во всем романе с «огнем» связаны и проходят через данное слово мысли о разрушении: *feu des explosions*, *feu des incendies* («огонь взрывов», «огонь пожаров»). Живые, убитые, раненые, немцы и французы образуют единое кровавое месиво. А. Барбюс называет сражение огненным адом и дает определение войны – «чудовищной, сверхъестественной усталости и бесконечного однообразия бед, прерываемого потрясающими драмами».

Во французской, как и в мировой культуре, концепт «огонь» всегда играл важную роль. Однако во французском языке отразились особенности и специфика восприятия данного концепта, сформированные французской историей, культурой и менталитетом.

Библиографический список

1. Гак В.Г. Le nouveau grand dictionnaire phraséologique français-russe. М., 2006. 1628 с.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. М., 1997. 147 с.
3. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 2000. С. 55–67.
4. Barbusse H. Le feu. P., 1985. 507 p.
5. Guilbert L., Lagane R., Niobey G. Le Grand Larousse. 2014 // Электронный ресурс Интернет: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1200532b>.
6. Rey A. Le Grand Robert de la langue française. En 9 vol. 1 vol. P., 2012. 757 p.

М.А. Шиляева

**Камчатский государственный университет
имени Витуса Беринга, Петропавловск-Камчатский**

КОНЦЕПТ “RAIN” И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматривается концепт *RAIN* как лингвокультурный феномен, приводятся результаты анализа языковых репрезентаций изучаемого концепта на материале художественного произведения У.С. Моэма “Rain” и выявляются способы его отражения в переводе.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт *RAIN*, способы перевода.

Mariya Shilyaeva

Vitus Bering Kamchatka State University

The Concept “RAIN” and its Implementation in Translation

The article considers the concept *RAIN* as a linguistic and cultural phenomenon, presents the results of this concept language representation analysis on the basis of the factual material extracted from the story “Rain” by W.S. Maugham and reveals the ways of its implementation in translation.

Key words: cognitive linguistics, concept “RAIN”, methods of translation

Концептуализация дождя как погодного явления подразумевает наличие культурной и лингвокультурологической компетенции, которая дает возможность человеку как пользователю языка структурировать знания об определенном фрагменте картины мира. Она способствует глубокому пониманию природы культурного смысла, закрепляемого за определенным языковым знаком, а также всех культурных установок и традиций народа, обуславливающих различные способы вербализации данного концепта. Концепт *RAIN* представляет собой сложное ментальное образование, в котором могут быть выделены определенные признаки, частично совпадающие и пересекающиеся в русской и английской лингвокультурах. Дождь во всем своем многообразии является одним из важнейших факторов, определяющих условия жизнедеятельности человека, и это находит отражение в языковой семантике и коммуникативной деятельности носителей разных языков и культур.

Материалом данного исследования послужили примеры языковой репрезентации концепта *RAIN* в одноименном художественном произведении

С. Моэма [11] и в переводе данного произведения, выполненном И. Гуровой [12]. Для решения поставленных задач использовались такие методы исследования, как анализ лингвистической и методической литературы, посвященной проблеме концепта, дефиниционный и сравнительно-сопоставительный методы. Теоретическую базу исследования составляют труды Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, З.Д. Поповой, И.А. Стерниной и др.

Подходы к определению концепта, теоретические положения о его природе и основных характеристиках, а также методология исследования концептов разрабатываются в рамках современного лингвистического направления – когнитивной лингвистики, в центре внимания которой находится язык как общий когнитивный механизм. В сферу интересов когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и редуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации. Задача когнитивной лингвистики – определить, каковы «репрезентации» знаний и процедуры их обработки [2. С. 13].

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, когнитивная лингвистика – новый этап изучения сложных отношений языка и мышления [5. С. 3]. Когнитивная лингвистика складывается в последние два десятилетия XX века, но ее предмет – особенности усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков – был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX веке (А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ и др.).

Основной категорией когнитивной лингвистики является «концепт». Концепт зачастую предстает объектом исследований философов, логиков, психологов и культурологов, таким образом, несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций, что придает работам, посвященным изучению концептов, междисциплинарный характер.

Хотя и на современном этапе развития гуманитарного знания термин «концепт» не имеет однозначного толкования, можно выделить общее положение, на котором основаны многочисленные интерпретации данного термина: под концептом понимается то, что называет содержание понятия. Таким образом, наиболее приемлемым определением, соединяющим аспекты разнообразных подходов, является следующее: концепт – это многомерный динамичный ментальный комплекс, вербализующийся с помощью слова и имеющий полевою структуру, который формируется на базе личного чувственного опыта, включает помимо смыслового содержания, оценку и отношение человека к тому или иному отражаемому объекту [4].

Прежде чем перейти к рассмотрению непосредственно языковых единиц, следует сказать несколько слов о важности погоды и, в частности, такого

погодного явления, как дождь в английской культуре и картине мира. Во-первых, согласно культурным стереотипам, Англия неизменно ассоциируется с дождями и туманами. Таким образом, погода формирует образ и восприятие страны. Во-вторых, без преувеличения можно сказать, что англичане одержимы своей погодой и очень любят ее обсуждать. Предмет погоды относится к тому базовому коммуникативному блоку британского социума, который отражает один из ключевых параметров национальной концептосферы. К. Фокс, антрополог и автор книги “*Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*”, отмечает, что практически любая беседа англичан начинается с обсуждения погоды [6]. В-третьих, некоторые авторы отмечают, что дождь в комплексе с другими погодными условиями, составляющими климат и погоду Англии, имеет прямое влияние на формирование национального характера и менталитета. Например, М.П. Любимов утверждает, что под влиянием погоды сформировались такие черты английского характера, как консерватизм, прагматизм, сплин, стремление к уединенности, частной жизни (*privacy*) и преуменьшению, недосказанности (*understatement*) [3].

Проанализировав ряд номинаций – языковых выражений концепта RAIN в английском языке, было подтверждено, что в английском языке функционирует большое количество лексических единиц, номинирующих различные его проявления. На основе анализа лексем-номинаций концепта RAIN можно сделать вывод о необходимости разных обозначений для различных вариаций дождя. Такое разнообразие лексем указывает на неоспоримую важность данного концепта в английской лингвокультуре.

В рассказе С. Моэма «Дождь» встречается более тридцати контекстов с лексемой *rain*. Анализируемая выборка составила 35 примеров – лексических коллокаций, вербализующих концепт RAIN. Анализ показал, что субъектная позиция является доминантной, ее занимает существительное *the rain*, а также семантически близкие ему единицы *the water* и *the wet season*. Определенный артикль придает добавочные признаки, однако, в названии рассказа артикль отсутствует, что можно объяснить желанием автора абстрагировать событие от конкретного места и времени, подчеркнуть вселенский характер дождя-потопа.

В качестве предикатов употребляются глагольные сочетания, которые можно условно разделить на лексикографические и индивидуально-авторские. Первую группу составляют предикаты *poured down* (полил), *rattled* (грохотал), *stopped* (перестал). Вторая группа представлена предикатами *the rain lets up* (позволит), *swept in from the opening of the harbor in sheets* (пелена дождя закрыла вход в бухту), *showed no signs of stopping* (лил не переставая), *will beat in* (будет стучать), *is enough to make anyone jumpy* (доведед любого), *seemed to have a fury of its own* (казалось, он охвачен бешенством).

Выборка показывает, что писатель персонифицирует дождь, делает его наряду с людьми героем рассказа, определяющим поступки и настроение действующих лиц.

Сопоставительный анализ средств объективации концепта RAIN в рассказе С. Моэма и его переводе на русский язык не выявил расхождений, обусловленных лингвокультурными различиями или индивидуальными представлениями переводчика. Содержание и построение концепта в переводе максимально отражает представление автора о выбранном фрагменте мира и показывает высокое качество перевода.

Анализ способов перевода языковых единиц, вербализующих концепт RAIN, показал, что в большинстве случаев переводчик использует эквивалентные языковые единицы. Например: *the rain will beat in* – дождь застучит.

В данном примере использован эквивалент, то есть при переводе подбирается постоянное, не зависящее от контекста соответствие единицы языка-источника единице языка перевода, таким образом, слово *rain* переведено как «дождь». Таких примеров насчитывается 19.

При переводческом анализе языковых коллокаций, вербализующих концепт RAIN, видно, что переводчику довольно часто приходится прибегать к теории закономерных соответствий Л.С. Бархударова, согласно которой любая единица в процессе перевода подвергается различным трансформациям, которые делятся на четыре блока: перестановки, замены, опущения и добавления. Переводчик использует метод грамматических замен, а именно замены формы слова, обусловленные различиями в оформлении грамматических категорий русского и английского языка. Например: *it did not pour, it flowed* – он не лил, он рушился.

Очевидно, что в этом и подобных случаях невозможно перевести местоимение *it* как «оно», поскольку такая грамматическая категория русского языка как род указывает на то, что языковая единица «дождь» мужского рода, следовательно, используется местоимение «он».

Встречаются замены одной части речи другой, например, замена местоимения существительным, то есть номинализация. Например: *it goes on pretty steady in the rainy season* – дождь идёт особенно сильно в сезон дождей. Местоимение *it* переводится существительным «дождь». Было найдено 9 примеров использования грамматических замен, что составляет 25,71%.

Что касается перевода языковой единицы *water*, семантически близкой к существительному *the rain*, наиболее частотным способом перевода является подбор эквивалента, то есть перевод *water* как «вода». Например: *then he saw, lying half in the water and half out, a dreadful object, the body of Davidson* – затем он увидел ужасающий предмет, лежащий на половину в воде, на половину на

суше – тело Дэвидсона. В анализируемом материале было найдено 3 таких языковых единицы, что в общей сумме с переводом *rain* составляет 22 – 62,86%.

Однако встречается и приём конкретизации, при котором единице ИЯ с общим недифференцированным значением подбирается единица ПЯ с узким конкретным значением. Например: *the hills attract the water* – холмы притягивают влагу. В данном случае существительное *the water*, которое имеет более широкое значение, переведено как «влага». Образно говоря, влага является «производным» компонентом воды, поэтому можно утверждать, что был применён прием переводческой конкретизации. Пример всего один, что составляет 2,86%.

Словосочетания *the wet season* и *the rainy season* во всех представленных примерах переведены как «сезон дождей», то есть, использован комбинированный приём, сочетающий грамматическую замену и перестановку: происходит замена прилагательных *wet* и *rainy* на существительное «дождей». Что касается перестановки, то она представлена в том случае, когда определение, стоящее перед ключевым словом, переводится на русский язык определением в форме существительного в родительном падеже, которое находится в постпозиции по отношению к главному слову. Насчитывается три таких примера, что составляет 8,57%.

Результаты проведенного анализа можно представить в виде следующей таблицы:

Способы перевода лексических коллокаций, вербализующих концепт RAIN

Способ перевода	Количество	Процентное соотношение
1. Подбор эквивалентов	22	62,86%
2. Использование грамматических замен	9	25,71%
3. Комбинированный приём (грамматическая замена с перестановкой)	3	8,57%
4. Приём конкретизации	1	2,86%
Итого:	35	100%

Таким образом, наиболее частотным способом перевода лексических коллокаций, вербализующих концепт RAIN, является подбор эквивалента, а наименее частотным – перевод с использованием приёма конкретизации.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
2. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
3. Любимов М.П. Гуляния с чеширским котом: мемуар-эссе об английской душе. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2004. 608 с.
4. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику // Электронный ресурс Интернет: http://thelib.ru/books/valentina_avraamovna_maslova/vvedenie_v_kognitivnyuyu_lingvistiku-read-4.html.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: «Истоки», 2002. 59 с.
6. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Nicholas Brealey Publishing, 2008. 424 p.

Список словарей

1. Cambridge Online Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <http://dictionary.cambridge.org>.
2. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 7th edition. Oxford University Press, 2005. 1920 p.
3. Summers D. The Longman Dictionary of Contemporary English. 4th edition. Longman, 2007. 1949 p.

Источники иллюстративного материала

1. Мозм У. Дождь (перевод И. Гуровой) // Электронный ресурс Интернет: <http://studyenglishwords.com/book/%D0%94%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D1%8C/195?>.
2. Maugham W. Rain stories. М.: Каро, 2009. 448 с.

Т.А. Шишова
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

**АССОЦИАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНЦЕПТА «СЛОВО» В
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**
(по данным ассоциативного эксперимента)

В статье описываются лексические репрезентации образа слова в языковой картине мира носителей английского языка. Символические значения этого слова были выявлены с помощью ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, символическое значение, слово, языковая картина мира.

Tatiana Shishova
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Associative Characteristic of the Concept of Word
in the Linguistic Worldview of Native Speakers of the English Language
(based on the associative experiment)

The article describes lexical representations of the concept of word in the linguistic worldview of native speakers of the English language. Symbolic meanings of this word were revealed by the associative experiment.

Key words: “word”, linguistic worldview, associative experiment, symbolic meaning.

Решение проблем эффективности межкультурной коммуникации предопределяет необходимость осознания особенностей менталитета участников процесса общения. Для успешного взаимодействия представителей различных культур необходимо не только изучение грамматического строя иностранного языка, но и владение знанием о культуре и ментальности его носителей. Изучение национального языка является путем познания особенностей мировоззрения, поскольку именно язык отражает культурно-национальную ментальность языкового сообщества, являясь, по замечанию В.А. Масловой, «средством накопления и хранения культурно-значимой информации» [2. С. 12].

Н.Б. Мечковская отмечает, что в семантике каждого языка имеется универсальный компонент культуры, обусловленный единством видения мира людьми разных культур, но также находит свое отражение и культура

определенного народа, равно как в культуре каждого народа имеются компоненты общечеловеческого и этнонационального [3. С. 51].

Как отражение культурного сознания народа, для национальных языков характерны определенные концепты. Ю.С. Степанов дает этому понятию следующее определение: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [...] Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [5. С. 40].

Рассуждая о языковой картине мира, В.А. Маслова указывает, что каждый язык имеет особую картину мира, поскольку имеет свой способ концептуализации мира, и в этом проявляется человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке, а сама концептуальная система, отраженная как языковая картина мира, зависит от физического и культурного опыта [2. С. 64].

«Каждый язык имеет свое уникальное семантическое пространство, и только в контексте этого пространства можно осмыслить специфику отдельного фрагмента лингвокультуры. Носители различных языков воспринимают один и тот же объект через призму родного языка, что делает представления об этом объекте почти всегда лингвоспецифичными» [4. С. 30].

Таким образом, национальный язык, являясь неотъемлемой частью культуры, обладает национально-культурной спецификой, отражая менталитет народа и его культурно-национальное мировидение. Проявляя особенности общественно-исторического опыта, язык как производный элемент культуры отражает специфику восприятия мира тем или иным народом.

Каждый национальный язык, обладая как универсальным, так и уникальным в своем роде компонентом культуры, выражает свой взгляд на мир, прежде всего, с помощью лексических и фразеологических единиц. Специфические слова и фразеологические единицы, паремии, как воспроизводимые в готовом виде выражения, могут рассматриваться в качестве определенных культурных маркеров той или иной языковой общности.

В целях получения данных о современных представлениях носителей английского языка в отношении содержания образа *слова*, был проведен ассоциативный эксперимент.

В настоящее время ассоциативный эксперимент широко применяется в таких науках как психология, психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология. В силу того, что современная антропоцентрическая парадигма в лингвистике диктует определенные правила исследования, метод ассоциативного эксперимента является одним из наиболее эффективных в части выявления представлений носителей определенного языка и культуры об

окружающей действительности. Эффективность данного метода заключена в том, что посредством анализа реакций на слова-стимулы возможно раскрытие символических значений, образов единиц языка, характерных для того или иного языка и культуры, то есть возникает возможность выявить этнокультурную специфику языкового сознания.

Как указывает Е.И. Горошко, ассоциативный эксперимент в научной парадигме знания определяется как прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся в предшествующем опыте индивида [1. С. 7]. Согласно автору, в науке выделяют несколько видов ассоциативного эксперимента: свободный, направленный и цепной. При свободном ассоциативном эксперименте при предъявлении слова – S респонденту предлагается ответить первым пришедшим в голову словом – R, не ограниченным какими-либо формальными или семантическими особенностями, которое и отбирается для анализа. При направленном ассоциативном эксперименте экспериментатор определенным образом ограничивает выбор R (например, отвечать только определенной частью речи). В цепном ассоциативном эксперименте респонденту предлагается ответить при предъявлении слова – S любым первым пришедшим в голову количеством слов – R_i, при этом, не ограничивая ни формальные, ни семантические их особенности, а для анализа в этом случае берется вся такая цепочка либо ее часть [1. С. 7]. По замечанию Е.И. Горошко некоторые авторы (в том числе А.А. Леонтьев) относят цепной ассоциативный эксперимент к разновидности свободного [1. С. 7]. Ассоциативный эксперимент может проводиться как очно, так и дистанционно, например, посредством сети Интернет.

Анализ вербальных репрезентаций концепта *слово* (*word*) был проведен на основе данных собственного ассоциативного эксперимента, который осуществлялся дистанционно, с использованием сети Интернет, среди носителей английского языка, в том числе, среди преподавателей, инженерно-технических работников. Информантам предлагалось ответить на вопрос: *What are your associations for "word"?* Предлагалось назвать первые возникшие ассоциации, при этом, реакции на слово-стимул не были ограничены ни формальными, ни семантическими особенностями, также как не ограничивалось их количество.

Среди носителей английского языка отмечаются следующие ассоциации со словом *word*.

Реакции на слово-стимул *word*

communication	3
give your word	3
Word of God	2
promise	2
vocabulary	2
phrase	2
language	2
agreement	2
password	1
word games	1
syntax	1
complicated	1
"well said"	1
the Bible	1
Scripture	1
beginning	1
response	1
useful	1
right on	1
word on the street	1
news	1
clear	1

speaker	1
up – rap term “word up”	1
power	1
definitions for words	1
synonym	1
expression	1
book	1
dictionary	1
crossword	1
long	1
expressive	1
love	1
notion	1
writing	1
interesting	1
Microsoft Word	1
word	1
word of mouth	1
rumors	1
What’s the word?	1
I give you my word	1

Анализ слов-реакций позволил прийти к следующим выводам.

Наиболее частотными ответами англоговорящих информантов явились: *communication, give your word, Word of God, promise, vocabulary, phrase, language, agreement*. Анализируя ответы респондентов, представляется возможным сделать вывод о восприятии *слова* как неотъемлемой части общения людей (*response, language, rumors* и др.), как лингвистической единицы, одной из основных структурных единиц языка (*word, synonym, expression, syntax*). Также характерно представление о *слове* как совокупности внешней его формы и содержания, смысла (*definitions for words, dictionary, crossword*). *Слово* ассоциируется с христианством, имеет коннотации чувства долга и святости (*promise, to give a word, agreement, the Bible, Scripture, Word of God*). *Слово* имеет символическое значение силы (*power*), известия (*news*).

Среди представленных реакций также имеются культурно специфические. В отношении уникальности восприятия концепта можно отметить наличие среди ассоциаций на слово-стимул *word* разнообразных

сленговых и разговорных выражений. Так, в ответах используются устойчивые выражения, такие как *word of mouth*, *word on the street*, *what's the word?* Употребление сленговых выражений (*right on*; *word up*) демонстрирует использование современного английского языка, имеющего новые понятия. Технический прогресс также находит свое отражение в сознании людей и, как следствие, в языковом тезаурусе: так, ответ – реакция *Microsoft Word* наглядно иллюстрирует воплощение современных общественных явлений в языке.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что *слово*, в первую очередь, воспринимается в качестве лингвистической единицы, в качестве способа общения людей. Также ответы англоязычных респондентов, полученные в ходе эксперимента, позволяют сделать вывод о наличии влияния христианской веры на восприятие данного понятия, поскольку *слово* устойчиво ассоциируется с Библией, Священным Писанием, словом Божиим. Понимание *слова* как обещания, обязательства, символа чести (дать слово, обещать) также является актуальным в современности.

Таким образом, анализ реакций на слово-стимул *word* англоязычных участников опроса иллюстрирует как традиционное понимание коцепта *слово*, так и указывает на наличие современных, отвечающих сегодняшнему времени коннотаций.

Библиографический список

1. Горошко Е.И. Психолингвистика Интернет-коммуникаций // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 5–12.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 202 с.
3. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 2000. 205 с.
4. Плисов Е.В. Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». 2016. №2. С. 20–31.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

СБОРНИК СТАТЕЙ
по материалам Всероссийского конкурса
научно-исследовательских работ студентов
бакалавриата, магистратуры и аспирантуры

Нижний Новгород
ФГБОУ ВПО «НГЛУ»

2018

НИЖЕГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

имени Н. А. Добролюбова